

Колыбельная для моей девочки

Автор:

Лорет Уайт

Колыбельная для моей девочки

Лорет Энн Уайт

Высшая лига детективаЭнджи Паллорино #2

Последнее расследование детектива Энджи Паллорино закончилось смертью преступника, за что ее временно отстранили от должности. Отныне Энджи не может носить с собой оружие и обязана посещать психотерапевта, поскольку ей снятся странные сны, в которых по ней звонят церковные колокола и кто-то зовет ее в рощу.

Ко всему прочему мужчина, с которым у нее завязались романтические отношения, все больше отдаляется от нее из-за работы.

Энджи пытается забыть о делах и разобраться в себе, но внезапно с ней связывается канадская королевская полиция. К паромной переправе вынесло останки, и ДНК невероятным образом совпадает с ее генетическим материалом. Несмотря на формальный запрет заниматься расследованиями, Энджи сразу берется за это дело.

Лорет Энн Уайт

Колыбельная для моей девочки

Посвящается самоотверженному труду тех, кто возвращает неизвестным их имена

Loreth Anne White

THE LULLABY GIRL

Copyright © 2017 by Cheakamus House Publishing, Inc. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Фотография на переплете: © Igor Ustynsky / Gettyimages.ru

Перевод с английского Ольги Мышаковой

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2020

Книга является художественным произведением. Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, являются вымышленными либо использованы условно.

Морской мусор

Понедельник, 1 января

– Да что же это такое, Тай, марш оттуда сейчас же, кому говорю! – кричала Бетси Чамплейн, беременная на девятом месяце, стоя на обочине на сильном ветру. День был хмурый и дождливым. Уже смеркалось, и в густом тумане, наползавшем с моря, Бетси едва различала сына, побежавшего за мальтийской болонкой – можно сказать, членом их маленькой семьи, – на полоске темного галечного пляжа. Под ложечкой плеснулся ледяной страх.

Бетси мельком оглянулась. На искусственной дамбе, выдававшейся далеко в море, очередь машин, бампер к бамперу стоявших на паром, тянулась, насколько хватало глаз. Четыре рейса точно ждать, разве что на пятый удастся заехать. Несколько паромных рейсов были отменены из-за штормов, принесенных арктическим циклоном, сменившим тайфун Шиори и обеспечившим северо-западному побережью Тихого океана самую дрянную погоду. На работу в новом году уже завтра, все спешат вернуться домой. Сегодня ей ни за что не добраться на остров Ванкувер. Бетси глодало горькое раскаянье – ну зачем она поехала навещать мать с двумя детьми и собакой! В праздники на паромной переправе всякий раз такое творится.

Они просидели в машине несколько часов, и болонка запросилась на улицу. Бетси оставила «Субару» в очереди, опустив стекла – в детском кресле спала трехлетняя Эмили, и перешла дорогу приглядеть за восьмилетним Таем, который повел Хлою вниз по щебеночной насыпи пописать.

Но Тай, буквально лопавшийся от нерастроченной энергии, лихо запрыгал по склону, поскользнулся и выпустил поводок. Болонка, почуяв свободу, метнулась к воде. Тай погнался за собачкой.

– Тай! Сейчас же назад, я сказала!

Бетси, не зная, куда кинуться, оглянулась на «Субару», потом на нечеткую, как призрак, растворившуюся в тумане фигурку сына и, переваливаясь, поспешила к машине.

– Эмили, – позвала она, тряся девочку за плечо. – Просыпайся, идем с мамой!

Схватив совсем сонного ребенка за руку, Бетси потащила ее к обочине. Они с трудом спустились по влажной скользкой насыпи на пляж. Эмили то и дело падала и начала плакать; тогда Бетси посадила дочку на бедро и, спотыкаясь,

поковыляла по каменистому берегу в том направлении, где исчез Тай. Она тяжело дышала, и ей самой очень хотелось писать – мочевой пузырь грозил лопнуть.

– Тай! – в отчаянии закричала она, нигде не видя сына. – Тайсон Чамплейн, сейчас же тащи сюда свою задницу, иначе я тебя...

– Мам! – мальчишка высунулся из-за выступа скалы, держа в руке длинный обломок дерева, выброшенный морем. От облегчения у Бетси едва не подкосились ноги. – Тут Хлоя что-то нашла, ну, дай посмотреть!

И снова скрылся за скальным выступом.

Раздраженно засопев, Бетси устроила дочку на бедре поудобнее и осторожно пошла по ковру из маленьких, обросших ракушками камней, огибая скалу со стороны моря. Отлив обнажил заиленное песчаное дно, покрытое слизью и бурой пеной. На грязном кружеве пены лежали водоросли с руку толщиной и всякая дрянь, выброшенная на берег недавними штормами. Смрад разложения, морской соли и дохлой рыбы был невыносим.

Тай сидел на корточках, ковыряя что-то палкой, а Хлоя рычала, стараясь отобрать у маленького хозяина свою находку, – неслыханное поведение для болонки.

Бетси нахмурилась. У нее шевельнулось нехорошее предчувствие.

– Тай, а это что?

– Ботиночек!

Бетси опустила дочку на камни, взяла за руку и подошла поближе. Туман здесь был еще плотнее. Эмили перестала хныкать и с любопытством уставилась на брата.

– Там что-то есть внутри, – добавил Тай, отодвигая Хлою и ковыряя палкой в маленькой кроссовке.

Бетси вздрогнула, как от внезапного холода: она недавно видела в новостях репортаж о ботинках с остатками ног, выброшенных морем на берега Британской Колумбии и Вашингтона. Всего шестнадцать жутких находок, считая с 2007 года. Только ступни, больше никаких фрагментов тел.

– Брось сейчас же! Не трогай! – Бетси схватила сына за куртку и рванула к себе. – Сейчас же бери поводок и оттащи Хлою от этой кроссовки!

Тай, с круглыми от таких строгостей глазами, впервые в жизни послушался сразу и молча, схватившись за поводок.

Все трое уставились на бледно-сиреневую под слоем грязи и спутанных водорослей кроссовку. Маленькая, с высоким верхом, на толстой подошве с воздушным карманом.

Бетси обернулась к плотному ряду машин, скрытых пеленой дождя. Что ей делать? Бежать на дамбу и стучать в стекла, крича о помощи? А о какой помощи, чем ей помогут пассажиры? Полиция. Надо звонить в полицию!

– Держи сестру за руку, Тай, – велела она, шаря по карманам в поисках мобильного телефона. – А сам возьми меня за куртку. И чтобы не отпускали ни ты, ни ты!

За куртку он не взялся.

Бетси еще никогда не звонила по 911 – не доводилось, слава богу, но... это ведь можно назвать экстренной ситуацией? Не выставит ли она себя дурой? Взгляд Бетси метнулся к маленькой кроссовке, торчавшей из грязного песка. Внутри действительно что-то есть – совсем как на фотографиях, которые показывали в новостях.

Но она слышала и о постановочных «утках», когда находили обувь с полуразложившимися лапами животных или с кусками сырого мяса. С другой стороны, копы все равно возьмут на карандаш даже постановку...

– Ма-ам!

– Тихо!

Дрожащими пальцами Бетси нажала 9, 1 и еще раз 1.

– Служба 911, что у вас случилось?

– Я... м-м... я... – Бетси чуть не подавилась мокротой и закашлялась. – Я нашла кроссовку. Мне кажется, внутри ступня. Судя по всему, вынесло на берег приливом.

– Где конкретно, мэм? Где вы находитесь?

– В Цавассене, у дамбы паромного терминала. По высоте примерно посередине насыпи.

– С какого номера звоните?

Бетси продиктовала свой мобильный.

– Как вас зовут, мэм?

– Бетси. Бетси Чамплейн, – давление в мочевом пузыре вдруг стало нестерпимым, и Бетси отчего-то захотелось плакать. Шмыгнув носом, она утерлась тыльной стороной руки.

– Вы в порядке? Кроме этого, у вас все в порядке?

– Да, просто, понимаете, я стою тут под дождем с маленькими детьми и собакой. Наша Хлоя нашла кроссовку, внутри виднеется, по-моему, старый носок, и в нем явно что-то есть. Я слышала про постановочные находки, но...

Вверху, на дамбе, заурчали моторы и включились фары. Автомобили медленно двинулись вперед. Кто-то засигналил неподвижной «Субару» Бетси.

– О господи, мне надо переставить машину, все поехали на паром...

– Миз Чамплейн, не могли бы вы постоять возле кроссовки? Я уже отправила к вам патрульную машину, они едут. В вашем районе как раз находится полицейский патруль, они сейчас будут.

– Но моя машина на полосе, мне сигналият...

– Мы как раз связываемся со службой паромных перевозок Британской Колумбии. Они пришлют сотрудника, который направит транспорт в объезд вашей машины. Бетси?..

– Я стою на месте. Я подожду. – Бетси помолчала. – Я... я слышала об отрубленных ногах, – тихо заговорила она, глядя на маленькую сиреневую кроссовку. – Но это не взрослая обувь, – Бетси нагнулась и покрепче обняла детей. – Это на ребенка, размер восемь или девять.

– Там виден размер? – спросила оператор.

– Нет, но примерно такие носит моя дочка...

Закончив звонок, Бетси присела на большой камень. Дождь мягко моросил, увлажняя ее щеки. Дрожа, она прижала к себе детей – очень-очень крепко, потому что все самое драгоценное вдруг оказалось здесь, в ее объятиях. Она не отводила взгляда от детской кроссовки, выглядывавшей из заиленного песка.

– Детки мои, как я вас люблю...

– Мам, – в больших карих глазах Тая заблестели слезы, – я больше не буду, прости, что я не послушался.

Бетси шмыгнула носом и утерлась рукой.

– Ты-то тут при чем, Тай... Это же не ты виноват. Все будет хорошо.

– А чей это ботиночек?

– Я не знаю, сынок.

– А где остальная девочка?

Бетси перевела взгляд на смутную тень, еле различимую сквозь туман, висевший над заливом, – американский мыс Робертс. За ее спиной автомобили ползли по дамбе, выдававшей в воду на целую милю, до самого паромного терминала, откуда всего пятьсот ярдов до водной границы с Соединенными Штатами. Паромы пересекали американские территориальные воды всякий раз, когда перевозили пассажиров с материка на остров Ванкувер.

Эта маленькая ножка могла приплыть откуда угодно. Может, ее выбросили с корабля или яхты? Или в шторм унесло от материка в открытое море?

– Не знаю, – повторила Бетси, – но ее обязательно найдут.

– Кто?

– Не знаю, Тай.

Глава 1

Все возвращается к началу... Вторник, 2 января

Энджи Паллорино несколько раз сфотографировала служебный вход в Сент-Питерс – вспышки казались ослепительно-белыми и четкими в пелене мелкого дождя, мягкого и вкрадчивого. В этот час на второй день нового года в канадском Ванкувере было уже темно и холодно: промозглая стылость пробирала до костей. Казалось, сырость навсегда угнездилась внутри, и уже никогда не согреться.

Отступив под слабую защиту карниза, Энджи взглянула на часы: шестнадцать пятьдесят одна. Женщина, обещавшая прийти на встречу, опаздывала. Придет ли она вообще? Наверное, стоило назначить встречу с удалившейся на покой медсестрой где-нибудь в другом месте, а не в старом мощеном переулке между больницей и собором. Но здесь началась эта история, и Энджи хотелось

вернуться к истокам, чтобы найти ответы – кто она и откуда. Все произошло в похожий вечер – темный, сумрачный, зимний, только тридцать два года назад это был Рождественский сочельник и начинался снег. С неба падали крупные пушистые хлопья.

Зловещей тенью серого камня высился собор Св. Петра – готические шпили терялись в густом тумане. Подавляя невольную дрожь, Энджи подняла фотоаппарат и сделала несколько снимков арочных окон и витражей, освещенных колеблющимся тусклым светом. Слова отца, сказанные две недели назад, вспомнились с пугающей отчетливостью: «В восемьдесят шестом году в сочельник, когда твоя мама пела в хоре во время праздничной мессы, на улице произошла разборка между какими-то бандами. Сидевшие в соборе слышали выстрелы, крики и визг шин. Тебя нашли в «ангельской колыбели»... Длинные рыжие волосики и босые ножки. Зимой – и босиком! Легкое розовое платьице – нарядное, но старое, рваное и залитое кровью...»

Прерывисто вздохнув, Энджи убрала фотоаппарат в сумку и принялась растирать левое плечо. Место, где пуля разорвала мышцу, еще болело. К счастью, кость не задета, важные нервы и сухожилия целы, но от простого усилия поднять и удержать фотоаппарат рука неприятно ныла. Сзади послышалось гулкое эхо шагов. Энджи обернулась.

С оживленной и ярко освещенной Франт-стрит в переулок свернула женщина – грузная, невысокая, в пальто до колен и с раскрытым черным зонтиком, блестящим от дождя. На плече большая черная сумка. У Энджи от волнения перехватило горло.

– Миссис Марсден? – уточнила она, когда женщина подошла ближе.

– Просто Дженни... Простите, что опоздала, – голос был низкий и добродушно-ворчливый. Голос старой нянюшки. Женщина встала рядом с Энджи под карниз, спасаясь от дождя, который заметно усилился и барабанил по лужам. – Никак не успевала встретиться с вами днем, в светлое время. В темноте здесь и испугаться недолго, – Дженни тихо засмеялась, отряхивая зонт. – На пенсии-то совсем не синекура. В столовой для бездомных, где я волонтер, можно с ног сбиться, особенно зимой. Когда ходит праздничный глянец, пожертвований куда меньше. Люди замыкаются в себе, когда наступает холодный январь, а с ним приходит время рассчитывать с долгами...

– Спасибо, что вообще выкроили для меня время, я ведь предупредила непозволительно поздно.

– А как же иначе! Когда вы позвонили и сказали, что стараетесь разобраться в старой загадке малютки из «ангельской колыбели» по просьбе подруги... – медсестра повернулась к запертым на засов гаражным дверям и словно бы встряхнулась. – Больше тридцати лет прошло, а все будто вчера было: сочельник, сигнал из бэби-бокса на весь приемный покой, выстрелы на улице и трезвон соборных колоколов... – Дженни кивнула на дверь: – Теперь-то отсюда мусор забирают, а тогда вот тут и находилась «ангельская колыбель», а вход в больницу был вон там, рядом, – она указала зонтом. – «Скорые» заезжали в переулок, пока не соорудили новый вход, побольше, и парковку на Франт-стрит... – Джейн помолчала. – Первое в стране безопасное место, где мамы, оказавшиеся в тяжелой ситуации, могли без страха оставить своих младенцев. Если у ребенка не находили следов жестокого обращения, в полицию не обращались, подкидыш уходил на усыновление... – Бывшая медсестра пристально вглядывалась в Энджи в свете тусклых ламп, словно что-то ища. – А почему ваша подруга заинтересовалась этим случаем?

Энджи переступила с ноги на ногу, чувствуя, что эта много повидавшая на своем веку женщина догадывается об истинной причине ее расспросов, но она не была готова признаться, что это ее усадили в бэби-бокс в памятную ночь восемьдесят шестого года. Набрав побольше воздуха, она ответила:

– Это ее нашли тогда в «ангельской колыбели». Моя подруга всего две недели назад узнала, что ее удочерили. Она всю жизнь считала себя кем-то совсем другим и теперь жаждет как можно больше узнать о себе, о своих биологических родителях и почему она оказалась в бэби-боксе. Вы, конечно, знаете, что ванкуверская полиция пыталась расследовать этот случай, но не нашлось ни одной зацепки, и в конце концов дело было закрыто.

– И подруга обратилась к вам, потому что вы работаете в полиции Виктории?

– Ну, почти. У меня как раз образовалось немного свободного времени...

Не по ее воле Энджи отстранили от работы после того, как она застрелила маньяка-убийцу Спенсера Аддамса по прозвищу Креститель. Неподчинение прямому приказу, нарушение протокола процедуры задержания, неоправданное

применение силы, наглядное доказательство приступа неподконтрольной ярости и провал в памяти стали достаточным основанием отобрать у Энджи жетон и пистолет до окончания независимого расследования, вдобавок к начатому внутреннему разбирательству в ее, можно сказать, родном полицейском управлении. В худшем случае независимая комиссия признает ее действия незаконными, и тогда дело могут передать в прокуратуру. Впереди маячила вполне реальная перспектива обвинения в уголовном преступлении.

Обиднее всего, что ее сняли с нового одиозного дела, вскрывшегося в ходе активных поисков Спенсера Аддамса, на которого вышла именно Энджи.

Она кашлянула.

– В общем, мой приезд сюда и наш разговор станут первым шагом моего собственного расследования, – Энджи улыбнулась медсестре. – Я нашла вашу фамилию в газетной статье от восемьдесят шестого года. Сейчас газеты оцифровывают, вот я и нашла. На момент инцидента с «ангельской колыбелью» Интернет был еще в зачаточном состоянии, поэтому в Сети мало сведений. Конечно, газеты можно найти в городской библиотеке в отделе микрофильмов, но вот материалы дела, к сожалению, уже уничтожены – по прошествии определенного срока вещдоки утилизируются. Поэтому все, что вы сможете рассказать о той ночи и собственно «ангельской колыбели», крайне ценно.

Дженни кивнула, не сводя испытующего взгляда с Энджи.

– Концепция современных бэби-боксов берет начало от средневекового «колеса подкидышей», появившегося в Европе в двенадцатом веке. Католические монахини, стараясь как-то сократить число детоубийств, приспособили обычные бочонки с отверстиями сбоку, вставленные в стену монастыря. Матери, которые не могли, допустим, прокормить ребенка, получили возможность положить дитя в бочонок, повернуть отверстием внутрь, потянуть за шнур звонка и уйти незамеченными. Современные детские боксы работают по тому же принципу. Мать, не имеющая возможности или желания заботиться о ребенке, вместо того чтобы бросить его умирать, может анонимно положить младенца в кроватку за надежные, с электронным управлением, дверцы. Бэби-бокс находится в наружной стене отделения неотложной помощи...

– Но я читала, что первую «ангельскую колыбель» закрыли?

– Да, из-за юридических неувязок, – старая медсестра отступила к самой стене – дождь полил стеной. Поднявшийся ветер резкими порывами задувал в переулочек. – Через четыре месяца после того, как заработал бэби-бокс, туда положили здорового младенца мужского пола всего нескольких часов от роду. Этот случай привлек внимание международных СМИ и Всемирной организации здравоохранения. Специалисты ВОЗ выступили с заявлением, что бэби-боксы нарушают права детей знать историю своей семьи и возможные наследственные заболевания. Я-то эту точку зрения не разделяю, – сказала Дженни. – У ребенка в первую очередь есть право на жизнь, а прочее уже по обстоятельствам. Сами посудите, какая польза от истории семьи, если тебя выбросили умирать в мусорный бак? – Дженни со вздохом покачала головой. – Тем не менее протест ВОЗ напомнил об отсутствии законодательного регулирования деятельности бэби-боксов в Британской Колумбии, и в восемьдесят восьмом «ангельскую колыбель» закрыли.

– Но сейчас при больнице работает новый бэби-бокс, со стороны Франт-стрит? – напомнила Энджи.

– Да, но программу возобновили только в 2010-м! Потребовалась недюжинная настойчивость, изобретательность и взаимодействие с правительством и другими заинтересованными организациями, чтобы этого добиться, – вздохнула Дженни. – С точки зрения закона вопрос бэби-боксов до сих пор не урегулирован до конца, поэтому наша местная программа работает в рамках действующего законодательства, по которому оставление ребенка является уголовным преступлением. Правда, полиция и генеральный прокурор наконец согласились не преследовать мамаш, если у ребенка нет следов жестокого обращения. Сотрудники больницы тоже не обязаны теперь сообщать о факте появления подкидыша в бэби-боксе или устанавливать личность матери, даже если биологическая мамаша анонимно лежит у нас несколько дней после родов, при условии, что новорожденный был оставлен в безопасном месте... – Дженни взглянула Энджи в глаза: – Но малютка, которую нашли в восемьдесят шестом, никак не была новорожденной.

Дженни надолго замолчала, и сказанное будто повисло в холодном воздухе. Ветер изменил направление, с воем проносясь по переулочку и стряхивая с карниза холодные капли.

– Хотите посмотреть новую колыбель? – предложила Дженни. – Я могу показать изнутри, как она работает. Я предупредила в больнице, они не против.

– Спасибо, – отозвалась Энджи. Ее вовсе не тянуло в старую католическую больницу из страха перед неприятными воспоминаниями, но, с другой стороны, при виде «ангельской колыбели» что-нибудь может шевельнуться в памяти! За этим она сюда и приехала. Ей очень хотелось вспомнить больше, чем бессвязные картинки и отдельные эпизоды, не дававшие покоя.

Они вышли на Франт-стрит, показавшуюся на редкость оживленной и шумной после пустого переулка. Начинались вечерние пробки. Шины скрипели на мокром асфальте. Машины сигналили. Автобусы, вздыхая, оставляли за собой белые клубы выхлопных газов, долго висевшие в холодном воздухе. Витрины сияли, хотя пелена дождя немного размывала яркость красок, а над магазинами, уходя в низкое облачное небо, высились жилые дома и офисные здания.

Дженни Марсден провела Энджи мимо ряда «Скорых» перед отделением неотложной помощи, остановилась под навесом и снова отряхнула зонт. Рубиново-красный свет от вывески с красным крестом сообщал ее лицу некий потусторонний оттенок.

– Вот новый бэби-бокс, – сказала она, закрыв зонт и кивая на стену. Сбоку от входа можно было видеть фреску – склоненная, будто в печали, женская голова с развевающимися волосами, подобными ангельскому крылу, – будто ангел ее защищал. Рядом с фреской, выведенные мягким курсивом, читались слова: «Ангельская колыбель Святого Петра», а ниже, на уровне пояса взрослого человека, находилась маленькая квадратная дверца в металлической раме, похожая на окошко со ставнями.

– Дверка никогда не запирается, – произнесла Дженни. – Мамочка может открыть бокс, положить новорожденного в кроватку, а спустя тридцать секунд после того, как дверь снова закрывается, в приемном покое раздается сигнал. Тогда медсестры подойдут и заберут оставленного ребенка.

Энджи сглотнула. От уличной сырости ее пробирала дрожь.

– Пойдемте, я покажу, как она устроена внутри.

Медсестра провела Энджи через приемную и свернула в пахнущий чем-то медицинским коридор, где стояли пустые каталки. В стене на высоте примерно

метра от пола были вделаны двойные дверцы. Напротив стояли четыре пластиковых стула. Дженни Марсден повернулась к своей спутнице и некоторое время молча разглядывала девушку в резком свете потолочных ламп. Энджи, в свою очередь, пристально смотрела на старую медсестру: густые волосы острижены в длинное каре, кожа сухая и тонкая, как бумага. Глубокие морщины вокруг рта и широко поставленных добрых карих глаз напоминали карту долгих лет сочувствия и печали. У Энджи мелькнула мысль, что это морщины человека, который не способен оставаться равнодушным к чужой боли. Она где-то слышала, что самоотверженность не способствует карьере медсестер – куда проще живется здоровым эгоистам, которые умеют отделять от себя работу и дистанцироваться от страданий пациентов. В полиции, кстати, то же самое: отзывчивые на этой работе не задерживаются, да и долголетием похвастаться не могут. Способность наступить на горло своему сердоболию – вопрос выживания.

– Как, говорите, зовут вашу подружку? – невзначай спросила Дженни Марсден.

– Я не говорила, – через силу улыбнулась Энджи. – Она пока предпочитает сохранять анонимность.

Медсестра обдумывала ее слова. По коридору с каталкой пробежали два санитары.

– Понимаю, – сказала она наконец и с заблестевшими глазами поспешила отвернуться к стене: – А это внутренние дверцы бокса...

Энджи шагнула вперед и вгляделась.

Внутри кабинка, выкрашенная в теплый фиолетовый тон, оказалась неожиданно просторной – одной высоты с коридором. Дверца в дальней стене вела на улицу. Посередине стояла чистая пластмассовая кровать примерно три на четыре фута. Да, здесь вполне могла уместиться четырехлетняя девочка... Матрас в кровати был накрыт мягкой белой фланелью, а в углу сидел желтый мишка в красном свитере с надписью «Больница Сент-Питерс».

Глазки-бусинки плюшевого медведя пристально уставились на Энджи, и ей вдруг заложило уши от резкого звона при виде этих черных блестящих глазок. Ее бросило в жар, голову словно распирало изнутри. Энджи с трудом вздохнула,

справляясь с настоящим цунами эмоций.

– В восемьдесят шестом году «ангельская колыбель» почти не отличалась от этой, – тихо проговорила Дженни Марсден. – Мы все были в шоке, найдя там окровавленную, но при этом молчащую девочку. Такая красивая малютка – беленькая, а волосы темно-рыжие, но такое, знаете, драное розовое платьице с расползшимися кружевами... Мы не сомневались, что за ней сразу придут. Видно же было, что у ребенка есть семья, о ней явно заботились. Но никто не пришел и не позвонил, и ни тогда, ни потом к нам в больницу не доставили мамашу с травмами или ранами. Другие больницы в городе тоже не отметили подозрительных случаев. Загадка. Абсолютная тайна.

– А расскажите... расскажите поподробнее о ребенке, – хрипло попросила Энджи.

– Рот у нее был порезан чем-то острым – попало и верхней, и нижней губе. Из раны обильно текла кровь – весь матрац в кроватке пропитался и перед платьем. Малютка судорожно, как спасательный круг, стискивала игрушечного мишку, которого мы сажаем в кроватку. Медвежонок, кстати, тоже был в крови. Девочка была в состоянии шока – серые глаза круглые и большие, как блюдца, и ни единого звука, как будто уже выкричала все, что могла, и давно находилась в таком состоянии...

Энджи повернулась к замолчавшей медсестре.

– Глаза такого же цвета, как у вас, – еле слышно сказала Дженни. Ее взгляд метнулся к шраму, пересекавшему слева губы Энджи. – И волосы такого же густого оттенка, цвета древесины бразильской вишни...

Щекам Энджи стало горячо.

– В статье, которую я прочла в Интернете, кроме этих деталей, почти ничего не было.

– Полиция просила сохранить остальное в тайне. Сказали, это поможет расследованию. Мы отнеслись к просьбе очень серьезно – как я уже сказала, состояние малютки шокировало всех. Каждая из нас ждала ответов, и если не откровенничать с журналистами означало помочь полиции, мы выполнили это

самым добросовестным образом.

У Энджи защипало глаза. Ее удивляла столь эмоциональная реакция, но узнать, что тридцать лет назад люди не остались равнодушными к ее беде и желали получить те же ответы, которые она сейчас ищет... Это рождало в Энджи чувство сопричастности месту – и этой женщине, разделившей с ней частичку прошлого. Это давало ощущение корней, которые она не переставала искать с того дня, как признание отца стало для нее громом среди ясного неба.

– Неразглашение информации, – понимающе отозвалась Энджи. – Но срок давности уже прошел: какие бы улики ни нашлись тогда в «ангельской колыбели», они давно уничтожены. Я утром наведальась в управление полиции Ванкувера, мне это подтвердили. Ни материалов дела, ни приобщенных вещдоков – ничего не сохранилось. Процедура сбора и хранения вещественных доказательств тоже претерпела кардинальные изменения: теперь у нас стало как во многих других странах – дела хранятся определенный срок, а затем подлежат уничтожению. Детективов, которые вели это расследование, уже нет в живых. Я договорилась встретиться с вдовой одного из них, но вряд ли я услышу что-нибудь важное.

Дженни Марсден кивнула, покусывая нижнюю губу.

– Может, вы помните, во сколько сработал сигнал из бэби-бокса? – подсказала Энджи. Версию Джозефа Паллорино она уже знала и теперь хотела послушать как можно больше свидетелей.

– Около полуночи, – ответила старая медсестра, – когда сочельник сменился Рождеством. Потом сразу зазвонили колокола собора. Я была занята на сестринском посту, когда раздался сигнал. Мы неоднократно сталкивались с ложными тревогами – любопытствующие иногда открывали дверцу поглядеть, что там внутри, но в ту ночь вышло иначе, – Дженни смотрела на кровать невидящим взглядом, будто заново переживая события тридцатилетней давности. – Я открываю створки, а там сидит малютка и смотрит на меня. Из рта льется кровь, а ручки вцепились в игрушечного мишку. Я... Это был настоящий шок, я никогда прежде ни с чем подобным не сталкивалась... – Дженни помолчала, справляясь с собой. – Должно быть, ее забрали откуда-то в большой спешке, она была одета совсем не по погоде и даже не обута, хотя туфельки у нее наверняка были – подошвы ножек оказались в очень даже хорошем состоянии. Правда, малютка была очень худенькая...

- А дальше? - не выдержала Энджи.

- Я закричала, прося помощи. Ко мне подбежали санитары и врачи из «Скорой». Мы отвезли девочку в операционную, остановили кровь, провели общий осмотр. Дежурный врач зашил ей порез на губах. Вызвали медсестру, обучавшуюся судебной медицине, чтобы она... гм...

- Провела осмотр с целью выявления возможного изнасилования?

- Ну, в общем, да - и сделала снимки, пока мы работали. Основная задача стояла стабилизировать общее состояние пациентки... Потом приехали полицейские, задавали вопросы, пригласили педиатра и социального работника. У малышки выявили признаки недоедания и дефицита витамина D - судя по всему, она мало бывала на солнце. Возраст определили где-то в районе четырех лет - ну там, по плотности и прорезыванию зубов, росту трубчатых костей, по эпифизарным пластинкам, по закрытию определенных зон роста - это все известные методики... Правда, для четырех лет девочка заметно отставала в росте и весе.

Энджи чувствовала, что напряжение, как змея, навивает все новые кольца под ложечкой.

- Значит, налицо были признаки запущенности и отсутствия должного ухода, - стараясь, чтобы не дрогнул голос, произнесла она.

- Причем в течение длительного периода, если хотите мое мнение. Не исключено, что и в течение всей жизни.

Энджи медленно набрала в грудь воздуха и спросила:

- А что там с признаками изнасилования?

- Явных следов проникновения не было - анальных или вагинальных разрывов, характерных следов в паховой области, но это не всегда означает, что... - Дженни кашлянула и полезла в карман за платком. - На теле девочки были синяки - и старые, и свежие. Некоторые на внутренней стороне бедер. На рентгене врач заметила костную мозоль на левой лучевой кости - ручку ей явно не складывали, кость срасталась сама... - медсестра высморкалась. - Простите. У

каждого медработника есть такой случай, что и рад бы забыть, да не получается... У меня вот этот.

– Я знаю, – быстро сказала Энджи. – В Виктории я работаю в отделе расследований преступлений на сексуальной почве и неоднократно видела детей, беззащитных перед насилием или страдающих в отсутствие должного ухода со стороны взрослых.

Энджи знала, что это такое, каждой молекулой своего существа, вот почему и стала полицейским. Вот почему расследовала преступления специфического рода. Вот отчего каждое утро вставала с постели и шла работать. Но даже в самых диких фантазиях ей не приходило в голову, что мотивация, двигавшее ею жгучее желание справедливости для жертв сексуального насилия могли сформироваться и подпитываться подавленной детской психологической травмой, жизнью, полной побоев и насилия, которую она вела, пока однажды зимней ночью ее не нашли в «ангельской колыбели» ванкуверской больницы. Прошое, которого она не помнит.

Медсестра кивнула, сжав губы:

– Пока мы хлопотали над ребенком, другие работники больницы слышали выстрелы и крики у стен собора, которые заглушил праздничный колокольный звон. Кто-то уверял, что кричала женщина. Многие свидетели слышали визг покрышек сорвавшейся с места машины. Полицейские опросили всех прихожан и посетителей ресторанов напротив. Один из наших санитаров, куривший на балконе наверху, утверждал, что по Франт-стрит на большой скорости пронесся темный фургон, но не брался утверждать, что визг шин издавал именно фургон. Больше никто ничего не видел – тридцать лет назад эта часть города по ночам практически пустела...

– А какие находки следователи попросили вас скрыть от прессы?

Дженни Марсден поколебалась, припоминая.

– В кроватке вместе с ребенком оставили кофту, – медсестра вытерла рот рукой, будто стирая что-то отвратительное на вкус. – Фиолетовый женский кардиган с застежкой спереди, размера «М», популярной для того времени марки «Сирс»... Видимо, кофту подложили в кроватку, чтобы девочке было теплее. – Она

помолчала. – К трикотажу пристали несколько очень длинных темно-каштановых волос и короткие темно-русые, а еще на кофте оказались сравнительно свежие следы семенной жидкости.

Энджи замутило.

– Почему вы решили, что это именно семенная жидкость?

– Пятна светились в ультрафиолетовом свете, что указывало на присутствие флавина и холин-содержащего белка, характерных для мужского семени.

– Кофту приобщили к делу?

– Вместе со всеми фотографиями, платьем и трусиками малютки, вымазанным в крови плюшевым мишкой и результатами осмотра на изнасилование. Полицейские взяли образцы крови, размазанной на наружных дверцах «ангельской колыбели», забрали две пули – одну выковыряли из нашей стены – и несколько стреляных гильз. Обо всем этом наши сотрудники не сказали прессе ни слова.

То есть существовал отчет баллистиков, серологический анализ и группа крови, микроскопический анализ найденных волосков, а теперь все это можно расцеловать в известное место благодаря полицейским порядкам. Энджи крепко выругалась про себя.

– Сейчас все это можно было заново изучить с помощью современных методов, которых просто не существовало тридцать лет назад...

– Мне очень жаль.

Энджи прерывисто втянула воздух.

– А девочка так и не сказала ни слова? Вот прямо-таки за все время пребывания в больнице?

– Ни единого словечка. Мы не знали – не то это результат пережитого шока, не то она просто жила в таких условиях, что не научилась говорить. У запущенных

деток задержка речи не редкость. Когда за ней никто не пришел и не искал, а она не могла или не хотела сказать нам, как ее зовут, полицейские начали звать ее Дженни – уменьшительное от Джейн Доу[1 - Традиционное обозначение неизвестных пациенток в больницах англоязычных стран. (Здесь и далее примечания переводчика)]. Через несколько недель мы ее выписали, и она поступила под опеку государства. В больницу к ней регулярно приходили социальные работники и детский психолог – через них полицейские много раз пытались расспросить малышку, но «Дженни Доу» только молча смотрела на них. Приходила полицейская художница. Она изобразила девочку без пореза на лице, и этот рисунок напечатали все газеты. Постеры с портретом были расклеены по всему городу, и по телевизору тоже показывали и спрашивали, не знает ли кто этого ребенка.

– Я видела рисунок в статье в Интернете, – тихо сказала Энджи. – Неужели столько усилий – и все впустую?

– Мне это не давало покоя, – отозвалась медсестра. – Вообще эта история проняла всех, кто работал в ту праздничную смену или помогал выхаживать нашу маленькую пациентку. – На лице старой медсестры появилось странное выражение. Она быстро оглянулась через плечо. – Я не должна была этого делать, но... – Она сунула руку в сумку и вынула незапечатанный конверт: – Держите, это вам, если, конечно, нужно.

Трепет, начавшийся под ложечкой, мгновенно охватил Энджи целиком. Она уставилась на конверт:

– Что там?

– Откройте.

Приподняв клапан, Энджи Паллорино вынула из конверта старый, выцветший кодаковский снимок: худенькая, просто кожа да кости, девочка на больничной койке в слишком просторной для нее пижаме сжимает игрушечного мишку, похожего на того, что сидит сейчас в бэби-боксе. Кожа бледная до прозрачности – на виске отчетливо видна голубая жилка. Волосы красивого густо-рыжего оттенка вяло падают на костлявые плечики. Ребенок без улыбки смотрит на фотографа серыми глазами – большими, но пустыми, лишенными всякого выражения. Губы сильно опухли, сверху запеклась кровь. Линия черных швов

похожа на грубо нанесенный грим на Хэллоуин.

– Я сделала этот снимок незадолго до того, как малытку забрала служба опеки. Она пробыла под нашим наблюдением почти четыре недели, но по-прежнему молчала, и я... В то утро она посмотрела на меня с иным выражением, и я почувствовала, что она пытается что-то сказать. Тогда я взяла ее за ручку и попросила: «Детка, если ты меня слышишь и понимаешь, что я говорю, сожми мне руку!» – От волнения голос Дженни Марсден пресекся. Она снова высморкалась. – И еще я добавила, что с ней все будет в порядке, она поедет в хорошее, безопасное место... – голос медсестры снова дрогнул. – Я так хотела от нее какого-то знака, что она понимает – через что бы она ни прошла, что бы с ней ни было раньше, в мире есть люди, которым она очень дорога, в системе опеки ей подберут хорошую, достойную семью, и однажды она встретит настоящую любовь... – Дженни с силой высморкалась, порвав бумажную салфетку. – И, представляете, малытка сжала мне руку!

От волнения у Энджи перехватило горло, и она поспешно отвернулась к бэби-боксу. Маленькая кроватка расплывалась от слез.

– У вас есть детки? – спросила Дженни Марсден.

Энджи покачала головой, не глядя на медсестру.

– У меня тоже нет – не смогла родить, хотя очень хотела. По-моему, дети оправдывают наше существование и делают нас немножко бессмертными. Когда я узнала свой диагноз – «бесплодие», мне казалось, жизнь кончена...

Медсестра замолчала. Энджи по-прежнему не решалась поглядеть на Дженни Марсден и увидеть на ее лице огромную боль, от которой срывался голос.

– Я долго не могла с этим смириться, но в тот день, когда малытка из «ангельской колыбели» сжала мне руку, я... я почувствовала, что чем-то очень помогла этому ребенку. Я будто получила подтверждение, что не зря живу, пусть мне и не доведется родить и воспитать собственных детей...

– Это правда, – прошептала Энджи. – Вы ее действительно спасли.

– А она счастлива, ваша подруга? Как у нее сложилось после удочерения?

Согнутыми большими пальцами Энджи вытерла глаза и наконец повернулась к собеседнице, сразу встретив настойчивый взгляд добрых карих глаз.

– Мне непременно нужно знать, – Дженни Марсден стукнула себя в грудь маленьким кулачком. – Этот случай оставил след у меня на сердце. Я не перестаю гадать, как она там, поэтому храню эту фотографию. А когда вы вдруг позвонили после Рождества и попросили о встрече, это походило на некий знак... – Старая медсестра справилась с собой и продолжала: – Я сразу почувствовала – с ней все в порядке, «ангельская девочка» жива и в поисках правды возвращается туда, где все началось. Пусть это покажется странным, но я вот так и подумала: моя ангельская девочка возвращается домой, к истокам. Круг завершается.

Энджи не сразу смогла вернуть себе самообладание.

– Да, у нее все сложилось хорошо, – очень тихо ответила она. – Она выросла в приличной семье, в богатом доме. Приемные родители любили... и до сих пор любят ее, как умеют. Она никогда ни в чем не нуждалась. Ее отправляли учиться в лучшие школы и возили отдыхать на первоклассные курорты. События той ночи ее не тревожили, она не помнила решительно ничего из своего прошлого – до недавнего времени, когда она начала... видеть и слышать то, чего нет. Она обратилась к психотерапевту и добилась от отца правды. Он признался, что ее нашли в «ангельской колыбели». И теперь моя подруга хочет узнать все от начала до конца, всю предысторию. Она ищет своих биологических родителей.

На лице Дженни Марсден появились понимание и покой – такое выражение Энджи видела на изображениях святых.

– Слава богу, – прошептала старая медсестра и протянула руку. Энджи Паллорино невольно напряглась – ее обычная реакция на непрошенный физический контакт. Дженни Марсден заметила это и опустила руку в карман пальто, вынула новый носовой платок и высморкалась еще раз. – Иногда пути пересекаются не без причины. Я рада, что вы приехали, Энджи. Несказанно рада.

Энджи наполнила непривычная теплота, смешанная с пронзительностью момента и ощущением глубокого родства душ. Дженни была физически связана с неизвестным ребенком из прошлого, с малюткой в розовом, вынырнувшей из глубины подсознания Энджи. С той, кого она приехала отыскать. С ней самой – настоящей.

– Можно попробовать через газеты и телевидение, – подсказала медсестра. – Меняются люди, меняются отношения. Возможно, за тридцать лет кто-то созрел для признания.

– Знаю, – тихо ответила Энджи, – но я пока не готова. Не могли бы вы никому не рассказывать о моем приезде? Я осталась бы вам крайне признательна.

Дженни Марсден испытующе поглядела на нее.

– Иногда нам кажется, что мы держим что-то в секрете, – промолвила старенькая медсестра. – А на самом деле это секреты держат нас. Будьте осторожны, не позволяйте тайне вами руководить.

Глава 2

Через стекло больничной палаты детектив Джеймс Мэддокс смотрел на шестерых девушек. С виду сущие подростки – одна блондинка, остальные темноволосые. Все истощенные, слабые. Пустые глаза, лица без выражения. У каждой сзади на шее татуировка в виде штрихкода.

Их нашли две недели назад на «Аманде Роуз», зарегистрированной на Кайманах яхте класса люкс, стоявшей на рейде в одной из живописных бухточек Виктории.

К «Аманде Роуз» детективов привело расследование дела «Крестителя». На борту теперь уже конфискованной яхты действовал секс-клуб «Вакханалия» – очень дорогой элитный плавучий бордель, а во внутренних каютах держали шестерых несовершеннолетних секс-рабынь. Все девушки были иностранки; кроме этого, о них мало что было известно – после освобождения ни одна не произнесла ни слова.

Рядом с Мэддоксом стояли детектив Кьель Хольгерсен, консультант из службы поддержки потерпевших и врач-психиатр.

– Как думаете, когда они заговорят? – спросил Мэддокс, не отрывая взгляд от девушек. Те сидели за столом перед подносами с больничной едой, но только одна девушка апатично тыкала вилкой в еду. Остальные сидели неподвижно, явно зная о том, что за ними наблюдают. Под охраной полиции их разместили в палате, делившейся на спальную и жилую зоны, и медленно выхаживали – восстанавливали здоровье и лечили зависимость от опиоидов, на которые их посадили. От прессы местонахождение девушек скрыли.

– Пока трудно сказать, – отозвался врач. – Могут пройти месяцы, а то и годы, даже с учетом лечения. Налицо выраженная кататоническая депрессия – больные почти все время неподвижны, с трудом засыпают, разучились сосредоточиваться и принимать даже маленькие решения, боятся резких движений и громких звуков, у них отсутствует аппетит, они быстро устают. Когда их к нам привезли, у них просто сесть в кровати занимало по несколько часов...

– Между собой не общаются? – спросил Мэддокс.

– Отмечено невербальное общение, но оно сводится к переглядыванию и изредка к жестам. Одна из наших медсестер слышала, как две пациентки перешептывались – вон та, которая гоняет куски по тарелке, и блондинка, – добавил психиатр. – Но они замолчали, как только заметили медсестру.

– А медсестра не может предположить, на каком языке они говорили?

Врач покачал головой:

– По ее мнению, на каком-то славянском.

– Ну, это сразу сужает зону поиска, – буркнул Хольгерсен. Высокий и тощий, он нехарактерно для себя прямо стоял рядом с Мэддоксом, не отрывая взгляда от девушек. – Полная загадка эти девчонки. Кто бы мог подумать, что «Креститель» приведет нас к растреклятой тайне с международной торговлей людьми?

– Они никому не доверяют, – добавила их консультант из службы поддержки потерпевших. – Их мучили, посадили на наркотики, подвергали психологическому насилию; они смертельно боятся сообщить что-нибудь о себе персоналу больницы или мне, вероятно, опасаясь встречных обвинений...

Мэддокс присмотрелся к девушке, ковырявшей больничную еду: высокие острые скулы, довольно крупный нос, широко поставленные миндалевидные глаза, черные, как угли. Густые темные волосы стянуты в простой понитейл. На вид младше Джинни. Тошнотворная маслянистая вязкость возникла внутри при воспоминании о том, как он едва не потерял дочь в схватке с «Крестителем». Вспомнилось и остальное, что произошло за последний месяц: как он сперва поддался страсти, а потом не на шутку влюбился в свою напарницу Энджи Паллорино, которая ослушалась приказа начальства ради спасения Мэддокса и Джинни и теперь рискует потерять из-за этого работу. От этого детективу было тяжело. Он прекрасно представлял, как расстроена Энджи отстранением от расследования «штрихкодов» – ведь это она первой потянула за эту ниточку и наткнулась на след настоящей мафии! Кроме того, она не первый год работала в отделе расследований сексуальных преступлений и умела находить подход к жертвам изнасилований. Мэддоксу остро не хватало в команде женщины-детектива с соответствующей квалификацией.

Глядя на темноволосую девушку в палате, он, не в силах побороть себя, видел в ней свою восемнадцатилетнюю Джинни в коконе из пленки, подвешенную под старой, грозящей в любой момент рухнуть эстакадой, в темноте и тумане. И Энджи, ползком пробирающуюся к середине моста, чтобы освободить его дочь...

Мэддокс потер лоб, заставляя себя вернуться мыслями к шестерым, по сути дела, неизвестным потерпевшим.

Как вас зовут? Кто вас привез в нашу страну? Где ваша родина, семья, друзья, дом? Вас же наверняка ищут!

В убойный отдел Мэддокса взяли недавно и сразу поручили руководить поимкой «Крестителя». Сейчас его попросили возглавить новую следственную группу, специально созданную для расследования дела шести татуированных найденных девочек. В помощь себе Мэддокс набрал представителей отделов по борьбе с изнасилованиями, сексуальной эксплуатацией, по борьбе с наркотиками и из розыскного. Развитие дела ожидалось бурным: девушки попали в страну сложным маршрутом и явно усилиями международной

преступной сети торговли «живым товаром»: сомнительные паспорта, найденные на борту «Аманды Роуз», не были предъявлены ни на одной канадской таможне и не имели отметок о въезде. Напрашивалась мысль, что паспорта придержали на будущее, когда «Аманда Роуз» с пленницами на борту направится в территориальные воды Северной и Южной Америк – традиционный маршрут плавучего борделя, как уже удалось установить.

Тайной оставалась и личность владелицы-управляющей-сутенерши «Вакханалии» мадам Ви, которой на вид можно было дать все семьдесят лет, и трансгендера Зайны, телохранителя и по совместительству личной помощницы мадам. На яхте документов этой парочки не нашли.

– Кататоническая депрессия могла возникнуть из-за отмены опиатов? – спросил Мэддокс, игнорируя мобильный, который завибрировал в кармане.

– Опять-таки сложно сказать, – отозвался психиатр. – Ломка иногда проявляется тревожностью, упадком сил, бессонницей, потливостью, ощущением внезапного жара или холода, болями в животе, тошнотой и рвотой, однако мое мнение – состояние этих девушек скорее свидетельствует о перенесенном длительном физическом и эмоциональном насилии. Это результат психологической травмы.

– Мы постоянно видим такое у выживших жертв сексуальной эксплуатации, – поддержала его консультант из службы поддержки потерпевших. – Тактика контроля, которую применяют современные работорговцы, включает запугивание в сочетании с социальной изоляцией в той или иной форме, насильственное удержание, отбирание личных документов, введение жестких правил, ограничение физической активности и постоянное насилие или угрозы применения насилия. Многие жертвы верят, что если они не согласятся заниматься проституцией, то перебьют их близких, где бы ни проживала семья. Некоторые страшатся позора – вдруг родные узнают, что они занимались или занимаются проституцией... – Женщина глубоко вздохнула. – Мне кажется, девушкам угрожали лишением жизни и убийством близких, если они заговорят.

Гнев и ненависть сгустились холодным желе у Мэддокса внутри от этих слов консультанта СПП, которая была еще и квалифицированным психотерапевтом.

– Пройдет немало времени, прежде чем они начнут нам доверять, – тихо заключил он.

- И еще больше, прежде чем поверят, что отныне они в безопасности.

Мэддокс встретился взглядом с консультантом:

- То есть они еще не поняли, что свободны?

Она покачала головой:

- Не исключено, что они просто не знают, что такое свобода.

Решимость, холодная и непреклонная, сжала челюсти Мэддокса. Он перевел взгляд с консультанта СПП на психиатра:

- Звоните в любое время, если наметятся перемены.

Врач кивнул:

- Если какая-то реакция и будет, то, скорее всего, у нее, - он кивнул на темноволосую девушку, которая уже отложила вилку. - Она старшая и психически более выносливая. Либо ее не так давно втянули в этот бизнес, она меньше вынесла и меньше подвергалась промыванию мозгов. Или же нам просто попалась от природы стойкая девушка. Иногда волю к жизни невозможно сломить.

Мэддокс в сопровождении Хольгерсена шел к выходу из корпуса, когда в кармане снова завибрировал мобильный. Он замедлил шаг и достал телефон, вдруг вспомнив, что ему уже звонили, но он не мог ответить.

- Мэддокс, - резко сказал он в трубку. Вид безучастных ко всему девушек-подростков, заторможенных, апатичных, лишил его остатков терпения. В нем горело желание найти и посадить того, кто превратил почти детей в эти тени. В первую очередь он наметил взяться за мадам Ви и Зайну. На время следствия обеих поместили в тюрьму в северной части острова, но на допросах обе молчали как рыбы. Нужно, чтобы хотя бы одна из подозреваемых не выдержала и заговорила. Хватит миндальничать.

– Как это понимать, Джеймс? – с напором начала бывшая супруга. – Ты снова протупил визит Джин к врачу!

Мэддокс даже остановился от удивления и взглянул на часы – семнадцать минут седьмого. Черт, черт! Шедший впереди Хольгерсен тоже замедлил шаг и вопросительно поглядел на босса.

Мэддокс махнул ему идти дальше, показав, что скоро освободится. Хольгерсен зашагал к выходу своей характерной размашистой походкой, а Мэддокс свернул в пустую больничную рекреацию.

– Слушай, Сабрина, я...

– Даже не начинай! Она была записана на половину пятого! Я звоню узнать, как прошло, и узнаю, что ты за ней не заехал, и сегодняшнюю встречу с психотерапевтом пришлось отменить!

Мэддокс почувствовал угрызения совести. Он все силы бросил на то, чтобы справиться с нешуточной бурей, поднявшейся после ареста «Аманды Роуз», и совсем забыл, что поклялся дочери лично возить ее к врачу. Как ни крути, помощь психолога понадобилась Джин из-за участия Мэддокса в охоте на «Крестителя». Девушка чуть не погибла из-за его работы – розыска чудовищ в человеческом облике, потому что серийный убийца Спенсер Аддамс нанес удар по самому дорогому, что было у детектива, метя в его единственную дочь.

Мэддокс провел пальцами по волосам.

Черт, ну почему Джинни не позвонила и не напомнила? Но тут же он спохватился – может, и звонила, а он не ответил своему ребенку, занятый спасением чужих дочерей!

– Я с этим разберусь.

– Джин перезаписалась на другой день, но мы же с тобой договорились, Джеймс! Мы договорились, что она останется на острове, только если ты будешь рядом! Ты обещал возить ее к психотерапевту!

Мэддокс растянул узел галстука.

– Сабрина, я сказал – я разберусь. Просто у меня сейчас...

– Твое «просто» – история нашей жизни! Меня тошнит от этого слова! Из-за твоего «просто» разрушился наш брак, из-за твоего «просто» мы тебя неделями не видели! Из-за твоего вечного «просто» тебя не хватало на элементарные отцовские обязанности, поэтому-то Питер и...

– Хватит, – процедил Мэддокс сквозь зубы, теряя терпение.

«Как раз по этой причине я переехал на остров и нашел здесь работу – чтобы все исправить, чтобы быть ближе к дочери, наладить общение... Чтобы спасти то, что осталось от семьи... чтобы стать хорошим отцом...»

Получалось у него плохо – он снова подвел свою малышку, забыв обо всем, кроме несчастных девушек с вытатуированными штрихкодами.

Всю жизнь к этому все и сводится: пока идет расследование, он обязан думать о задержании негодяя, но как только преступника удастся поймать, ему поручают новое дело. Как прикажете работать не щадя себя, добиваясь справедливости для жертв и их близких, и одновременно обеспечивать семью, стараться быть хорошим мужем и отцом и в результате все равно остаться ни с чем? Существует ли в природе способ раскрывать изощренные преступления, оставаясь при этом заботливым семьянином, посещая школьные праздники, спортивные соревнования и выступления хора, которые Мэддокс пропускал много лет, делая для потерпевших все, что в его силах?

Он набрал воздух в грудь и медленно выдохнул.

– Я все улажу, – ровно произнес он. – Я...

– Чепуха! У тебя, говорят, опять крупное расследование, а я по многолетнему опыту знаю, что это означает: ты опять будешь сутками пропадать на работе! Как у тебя твоя трехногая дворняжка еще не сдохла от избытка заботы! Не говоря уже о том, когда ты только успеваешь встречаться с этой своей... из полиции...

– Ее зовут Энджи. Запомни уже имя детектива, спасшего жизнь твоей дочери, Сабрина.

Сабрине, видимо, стало неловко. Она помолчала.

– Я ей очень благодарна, – продолжала она уже мягче, – но ведь в конечном счете это из-за тебя Джинни оказалась в опасности! Короче, я сажусь на первый же паром, собираю вещи Джинн и увожу ее домой, на материк. Она будет жить у нас с Питером – уж мы проследим, чтобы она получила всю необходимую психологическую помощь. Я уже договорилась с местным психотерапевтом, он согласен ее взять. Джинни сейчас не должна быть одна, а с учебой решим – переведется в УБК[2 - Университет Британской Колумбии.], гораздо, между прочим, престижнее, чем какая-то Виктория...

Слушая болтовню бывшей жены, Мэддокс невольно сжимал челюсти.

– Я сейчас не могу разговаривать, – тихо сказал он. – Я нахожусь на работе и перезвоню позже, когда у меня будет время.

– Джеймс, не смей этого...

Он сбросил звонок и проверил входящие. Пропущенный звонок от Энджи, от Джинни ничего. Подойдя к окну, он набрал телефон дочери и, слушая гудки, разглядывал парковку. Уже сгущались сумерки, и шел мелкий дождь – струйки воды, извиваясь, стекали по стеклам. В светящемся тумане под фонарями Хольгерсен прогуливал ковылявшего на трех лапах Джека-О, которого Мэддокс нашел умиравшим на дороге на прошлый Хэллоуин. Со смутным напряжением он следил за своим напарником: тот оставался загадкой, полный странностей и пунктиков. С виду не способный сказать и двух грамотных фраз, Кьель Хольгерсен был одним из самых проницательных и умных сыщиков, которых встречал Мэддокс. Он подозревал, что специфическая речь Хольгерсена была либо способом заставить собеседника врасплох, либо отвлекающим маневром. Но что он прячет, вот вопрос... В нем шевельнулась безотчетная тревога. Хольгерсен ему импонировал, но Мэддокс не был уверен, что парню можно доверять.

– Папа?

Мэддокс напрягся.

– Джинн, прости, что я забыл про врача. Что ж ты не позвонила?.. У тебя все нормально?

– Пап, да все прекрасно! Не хотелось тебя беспокоить, я же представляю, как ты сейчас занят. Больше всего я хочу, чтобы ты отыскал негодяев, которые издевались над этими девочками. Делай все, что надо, чтобы их посадить... – голос Джинни пресекся от волнения. – Это те же самые, кто убил Грейси и Фейф и мучил Лару, кто толкнул их на дурную дорожку, кто скрывал убийцу... – Джинн говорила о девушках из Виктории, ставших жертвами «Крестителя». – Их надо отправить за решетку на максимальный срок... А со мной все прекрасно, я могу и даже хочу ездить на эти сессии сама.

Мэддоксу тут же вспомнилась дочь в полиэтиленовом коконе. Внутри у него образовался кусок льда, а рука сама собой сжала телефон.

– Чем ты сейчас занята? – тихо спросил он.

– А что?

– Да так просто. Мне нужно убедиться, что ты в порядке.

– У меня гости.

– Кто?

Секундная пауза.

– Друг.

– Кто конкретно?

– Ты его не знаешь.

– Парень?

- Да, парень.

- А твоя соседка дома?

- Дома. Но даже если бы она и вышла, со мной бы ничего не случилось. Это тебя мама накрутила, да? Скандалила, что ли? - Не давая Мэддоксу возможности ответить, Джинни продолжала: - Пап, она уговаривала меня переехать к ним с Питером, но я отказалась. Я не хочу туда. Это все равно что струсить и убежать в собственную детскую... Я останусь на острове. Мне нравится университет, новые друзья, своя квартира...

- Джинн, это не тебе ре...

- Если ты хочешь сказать - не мне решать, то разреши напомнить: мне через четыре месяца исполнится девятнадцать.

Мэддокс невольно вспомнил девушек со штрихкодами. Даже старшей из них до девятнадцати еще жить да жить.

- Я справлюсь, я и маме так сказала. И не пропущу ни одной сессии у психотерапевта - туда, между прочим, автобус ходит...

- На когда ты перенесла? - только и спросил Мэддокс.

- В следующий четверг на шесть, после лекций.

- Значит, детка, вот как мы сделаем: я буду ждать тебя в машине у твоего дома в полшестого в следующий чет...

- Да зачем же...

- Джинн, это нужно мне. Сделай это для меня, пожалуйста.

После некоторого колебания Джинни ответила:

- Ну, ладно, конечно.

– А после сессии мы с тобой куда-нибудь пойдём, поужинаем и поболтаем, договорились?

– Хорошо, пап.

Мэддокс закончил разговор с тяжёлым сердцем и снова взглянул на часы: надо позвонить Энджи. Как-то у нее прошла встреча с медсестрой из Сент-Питерс? Он начал набирать Паллорино, когда больничные двери разъехались, и вошел Хольгерсен, весь блестящий от дождя, с Джеком-О под мышкой.

– Сарж! – начал он, размашистой походкой спеша к Мэддоксу. – Нам нужно срочно двигать в управление – адвокат Зайны предлагает сделку. Зайна согласна кое-что рассказать о штрихкодовых!

Глава 3

Энджи смотрела вслед Дженни Марсден, исчезающей в тумане и вечерней мгле, и думала, что старая медсестра права – тайна держит человека в плену. Тайна обладает немалой силой, коль скоро ее раскрытие угрожает положению и связям человека. Тайна прошлого Энджи выставляла ее жертвой, и от этого опускались руки, потому что копы – и в ее отделе расследований сексуальных преступлений, и в убойном, куда она мечтала перейти, – обладают превосходным чутьем на свежую кровь и незатянувшиеся раны. Как стая волков, они готовы наброситься на слабое звено в своей цепочке и покончить с ним – первобытный инстинкт выживания, ибо стая ровно настолько сильна и быстра, как ее слабейший представитель. А без своей стаи копу не выжить.

С нелегким существованием единственной женщины в отделе Энджи справлялась просто: если кто-то угрожал или задирали ее, она сразу била кулаком в нос (это эффективно сдерживало женоненавистников вроде Харви Лео). Но как раз поэтому она и не горела желанием делать свой очень личный секрет всеобщим достоянием. Служебное расследование по факту применения чрезмерной силы еще не завершено, и Энджи меньше всего хотелось прослыть воплощением полицейской жестокости: в родном управлении и пальцем не пошевелинут, чтобы ей помочь. Полиция Виктории и без того не знает, как обелить свою репутацию после скандальной утечки в СМИ секретной

информации по делу Спенсера Аддамса.

Дженни Марсден скрылась за углом, и Энджи побрела по мощеному переулку, задержавшись перед тускло освещенным служебным входом. Закрыв глаза, она вдохнула запах дождя, впитывая звуки города и стараясь мысленно перенестись на тридцать два года назад, чтобы вспомнить, что случилось перед тем, как ее посадили в бэби-бокс.

Туман и дождевая влага окутывали ее плащом. От мокрых булыжников поднимался своеобразный металлический запах, ассоциировавшийся у Энджи с падавшим снегом.

Но память молчала.

Тогда Энджи поднялась по ступенькам собора и потянула на себя тяжелую деревянную дверь. Внутри собор был огромен и величествен. Мигали свечи, тянясь маленькими золотыми язычками к витражам и густым теням под сводами. Над алтарем распятый Иисус поник головой в терновом венце с длинными острыми шипами; руки и ноги пригвождены к кресту. Энджи напрягала память, силясь услышать чудесное меццо-сопрано, выводившее «Аве, Мария» в тот роковой сочельник, – тот самый гимн, который пела, раскачиваясь на стуле, ее потерявшая рассудок приемная мать в психиатрической лечебнице Маунт-Сент-Агнес. От этого пения у Энджи пробудились непонятные мрачные воспоминания, дремавшие в самой глубине души.

Она начала повторять про себя: «Аве, Мария, грация плена, доминус текум...», но в ушах эхом отдавались странные польские слова: «Утекай, утекай! Вскокуй до шродка, шибко! Шеди тихо! (Убегай, убегай! Забирайся сюда! Сиди тихо!)»

Голос был женский. Значит, какая-то женщина кричала ей, маленькой, забираться в «ангельскую колыбель» и сидеть как мышка, чтоб ни звука? Энджи вспомнился рассказ приемного отца, Джозефа Паллорино:

– На портрете, который мы с твоей матерью увидели в газетах, ты казалась копией нашей четырехлетней Энджи, погибшей в Италии в восемьдесят четвертом году. Такие же темно-рыжие волосики, тот же возраст, а главное, ее – в смысле, тебя – нашли у собора, в котором пела твоя мать, почувствовавшая в молитве некую связь с тобой. Она была убеждена, что это ты, что тебя вернули

под Рождество, как Божественного младенца в яслях. Твоя мать увидела в этом знак свыше и сразу поверила, что ангелы принесли нашу Энджи обратно, и мы должны сделать все, чтобы удочерить тебя и с полным правом привести домой...

Энджи передернуло. Приемные родители ничтоже сумняшеся вставили ее в пустоту, образовавшуюся после гибели ребенка, заменив прежнюю Энджи на новую, из бэби-бокса. Они даже назвали ее так же и позволили считать, что она и есть их дочка, а шрам на лице остался от злосчастной итальянской аварии. Вот это так кризис самоидентичности...

Выйдя из собора, Энджи направилась к Франт-стрит, куда манили ярко освещенные витрины. Каблуки сапог гулко стучали по булыжникам, и от этого звука делалось холодно и пусто. В душе рождалось ощущение обреченности, неминуемого поражения. Ей никогда не узнать правды. Раз материалы дела уничтожены за давностью лет, а детективов нет в живых, возможность провести собственное расследование превращалась в мираж.

Остановившись у нового входа в больницу, Энджи снова обратила внимание на «Старбакс» через дорогу. Некоторое время она сквозь пелену дождя вглядывалась в окна кафе, затем обвела взглядом верхние этажи и соседние заведения. В оцифрованной газетной статье были фотографии, сделанные вскоре после перестрелки у больницы. Полиция оцепила собор, и свидетели вместе с кучкой зевак собрались на противоположной стороне улицы – правда, тогда там еще не было «Старбакса».

Спасаясь от дождя, Энджи встала к стене, вынула новый смартфон, купленный после того, как рабочий телефон пришлось сдать вместе с жетоном и пистолетом, – и открыла закладку с оцифрованными газетами. Ага, вот и фотографии. Человек двадцать в теплых куртках и шапках стоят под густым снегопадом в ярком свете прожекторов съемочной группы местных теленовостей, а поперек натянута желтая лента, означающая границу оцепления. В кадр попали и полицейские, и розовая неоновая вывеска: «Розовая жемчужина».

Энджи подняла глаза. Давно ли здесь «Старбакс» вместо ресторана? Что еще было в этом помещении после закрытия «Розовой жемчужины»? Это можно выяснить в следующий приезд в департаменте городского развития и лицензирования коммерческой деятельности, но спросить тоже можно... К тому же она с удовольствием выпила бы горячего сладкого кофе.

Натянув капюшон, Энджи вышла под дождь и пересекла Франт-стрит.

В этот вечерний час в «Старбаксе» было малоллюдно: одинокий посетитель с ноутбуком сидел у дальней стены, и две женщины – как показалось Энджи, медсестры из больницы – вели разговор, устроившись в креслах в углу. Тихо играла музыка – что-то из лирического джаза.

Энджи заказала капучино и брауни. У девушки за прилавком было кольцо в носу, металлический штырек в верхней части уха и татуировка в виде большой паутины на толстой шее. Ячейки паутины напоминали чулок в сеточку, едва не лопающийся на толстом белом бедре. Готовый костюм для «Шоу ужасов Рокки Хоррора»... Энджи подошла к концу стойки, где молодой бариста делал ей кофе, и спросила:

– А вы не знаете, давно тут «Старбакс»?

Бариста задумался, гримасничая от усилий.

– Года четыре или пять, – он повернулся к татуированной коллеге: – Мартина, не знаешь, сколько это кафе работает?

Девушка покачала головой без малейшего интереса.

– У нас трубу прорывало полгода назад, – продолжал бариста, сосредоточенно взбивая в чашке пену. – Пришлось все ремонтировать, поэтому выглядит как новенькое.

– А что здесь было до «Старбакса»?

Молодой человек взглянул на нее:

– Китайский ресторан, чуть не с самой постройки дома. – Он улыбнулся: – Я почему знаю – бывший хозяин, старичок китаец, живет над нами.

– А как его зовут? – сразу спросила Энджи.

– Мартина, как старикана из прежней забегаловки зовут, не помнишь?

– Кен Линг... Или Ли, как-то так. – Мартина вытерла руки о фартук, взяла металлическую кружку и начала ополаскивать в раковине.

Бариста подал Энджи чашку капучино.

– Он каждый день спускается в районе двух, газетку полистать. Всегда берет зеленый чай с молоком и садится вон там, если не занято.

– Значит, завтра он тоже будет?

Бариста фыркнул.

– Ну, если ничего не произойдет... По этому китайцу можно часы сверять.

Окрыленная новой надеждой, Энджи взяла кофе и брауни и отошла к окну на Франт-стрит. Присев на высокий стул, она пригубила капучино, всматриваясь в фотографию в смартфоне. Если старый китаец работал здесь в восемьдесят шестом или знает тех, кто работал, у нее будет первый свидетель. Хоть есть с чего начинать. Завтра утром она поедет к вдове старого детектива в Норт-Шор, а к двум вернется сюда, чтобы застать бывшего владельца «Розовой жемчужины». В крайнем случае в городском архиве наверняка найдутся его имя и адрес... Или можно подняться на второй этаж и звонить во все квартиры, спрашивая Кена Ли...

Воспряв духом, Энджи откусила половину брауни и, жуя, набрала Мэддокса. Наслаждаясь вкусом шоколада, она слушала гудки в трубке, но включился автоответчик. Энджи сбросила звонок и с трудом проглотила кусок враз пересохшим горлом. Мэддокс сейчас занят делом девушек со штрихкодами, ее делом!.. Это Паллорино с Мэддоксом, идя по следу «Крестителя», обнаружили и спасли шесть юных девушек со странными татуировками. Энджи стало обидно до слез. Она спасла Мэддоксу жизнь, а он теперь работает над самым резонансным и одиозным расследованием в истории Виктории – без нее! Дело, без сомнения, будет стремительно разрастаться, когда начнут выявляться связи за границей, а ей остается лишь наблюдать со стороны, гадая, когда-то она сможет вернуться в полицию и сможет ли вообще.

Паллорино взяла чашку и начала мелкими глотками пить капучино, рассматривая огромную каменную больницу через собственное отражение в стекле. Потемневшая от дождя, угнездившаяся рядом с довольно зловещим готическим собором, больница Сент-Питерс навевала какие-то диккенсовские ассоциации, словно старинный особняк с галереями, переходами, леденящими драмами и тайнами. Здесь ее когда-то оставили. Отсюда началась ее новая жизнь в качестве Энджи Паллорино. На этом месте с грифельной доски ее детства были начисто стерты ранние воспоминания... Снаружи дождь превратился в снег, поваливший густыми хлопьями, которые плавно летели к земле большими невесомыми серебристыми листьями и укрывали крыши припаркованных машин и холодную мостовую.

Странное, неправдоподобное ощущение посетило ее, словно оказавшуюся на стыке двух личностей – неизвестной малютки и Энджи Паллорино. Вместе с чувством нереальности пришел страх, будто прорастая из глубокого подвала души, из ее похороненного прошлого, ощупью пробираясь в настоящее. Энджи решительно подавила этот страх: ей остается только идти вперед.

А для этого предстоит сперва вернуться на тридцать лет назад.

Глава 4

Среда, 3 января

Энджи проехала через висячий мост Лайонс-Гейт. Дворники скрипели, очищая стекло от слоя влаги, – моросил зимний дождь. В полдвенадцатого утра машин было сравнительно немного. Внизу отливали металлом воды залива Беррард. Слева, у пляжей Китсилано и Спаниш-банкс, больше десятка грузовых судов стояли в тумане, ожидая возможности войти в порт – ванкуверские грузчики бастовали уже вторую неделю. Справа, почти неразличимый в такую погоду, угадывался белоснежный американский вулкан Бейкер, зато впереди, на другом берегу залива, четко вырисовывались лесистые склоны Норд-Шор – лучи солнечного света иногда пробивались сквозь облака, плывшие над зеленым морем. Снежные шапки гор сверкали идеальной белизной.

Вдова ванкуверского детектива Арнольда Войта жила у своей дочери на склоне одной из этих гор. Войту в восемьдесят шестом поручили расследовать дело «ангельской колыбели».

Под тихую музыку на волне «Си-би-си» Энджи в прокатном «Ниссане Альмера» свернула на Марин-драйв. Служебную «Краун Вик», в числе прочего, тоже пришлось сдать, при этом Энджи обязали каждый рабочий день отзваниваться в управление – ей ведь продолжали платить по прежней ставке. «Отстранение – это тебе не отпуск», – подчеркнул сержант Мэтью Веддер.

Она с волнением думала о выводах независимой комиссии, решение которой не только может перечеркнуть ей карьеру, но и упечь под суд. Энджи Паллорино, коп до мозга костей, боялась даже представить, каково будет превратиться в обвиняемую.

Чтобы отвлечься, она нажала на «иконку» хэндс-фри на контрольной панели и снова набрала Мэддокса – пока только он знал о том, что Энджи когда-то нашли в ванкуверском бэби-боксе. Ей хотелось поделиться тем, что она узнала от медсестры. Вчера Энджи звонила ему из гостиницы, но всякий раз попадала на автоответчик.

Не прозвонив и сигнала, телефон сразу переключился на голосовую почту. Энджи ехала по Марин-драйв, слушая записанное приветствие Мэддокса. Остановившись на красный свет, она начала надиктовывать сообщение:

– Мэддокс, это я. Слушай, позвони мне! Я еду к вдове Войта в Норт-Шор. Ванкуверская полиция освобождала архивные помещения и уже уничтожила старые вещдоки...

Энджи закончила звонок с тягостным чувством. Ей не хватало Мэддокса, и от этого становилось не по себе. Она не желает по кому-то тосковать, не нужно ей никаких привязанностей! Пальцы крепче сжали руль. Увидев на светофоре зеленый, Энджи нажала на газ. Вечером они в любом случае увидятся – Мэддокс заказал столик в «Голове короля» по случаю ее «дня рождения». Фарс условного праздника стал положительно нестерпимым после того, как Энджи увидела бэби-бокс. Ведь на самом деле никто не знает, когда она родилась и у кого! Супруги Паллорино просто ткнули пальцем в календарь – им, видишь ли, показалось, что начало ее новой жизни должно примерно совпадать с началом

года, но третье января уже чуточку отстоит от новогодних праздников, значит, у девочки будет свой «особый» день...

Энджи свернула налево, в Лонсдейл, невольно думая о своих приемных родителях. Она с Мириам и Джозефом Паллорино жили тут, в Норд-Шор, до окончания процедуры удочерения. Отец рассказал, что социальный работник и детский психолог наведывались по несколько раз в неделю, а речевой терапевт заново учила Энджи говорить и занималась с ней английским. К тому времени взрослые начали подозревать – либо малютка росла в иной языковой среде, либо до нее никому не было дела.

«Утекай, утекай! Вскакуй до шродка, шибко! Шеди тихо!»

Энджи откуда-то знала смысл застрявших в памяти слов: «Беги, беги! Забирайся сюда, внутрь!»

Теперь она не сомневалась, что в детстве понимала по-польски и что голос, в панике заклинавший ее сидеть тихо, принадлежал матери или женщине, заботившейся о ней как мать.

Дорога пошла в гору. После поворота Энджи сбросила скорость и сверила адрес на столбе, отмечавшем начало крутой аллеи. Да, вдова Арнольда Войта живет здесь. Энджи подъехала к большому бревенчатому дому, выкрашенному бледно-серой краской, и остановилась у гаража.

Охваченная волнением и ожиданием, она глядела на дом. Сейчас она лично встретится с женой полицейского, который занимался поисками ее родных три десятилетия назад.

Глава 5

– Входите, пожалуйста, я Шэрон Фаррадей, мама вас ждет! – Дверь открыла хрупкая брюнетка с небрежным понитейлом, который, однако, украшал обладательницу: выбивающиеся вьющиеся пряди красиво обрамляли лицо. – Проходите к ней сюда.

Сняв ботинки и пальто, Энджи прошла за Шэрон Фаррадей в гостиную с деревянным полом, сводчатым потолком и стеклянной стеной, за которой открывался вид на раскинувшийся внизу город и залив Беррард. Верхушки небоскребов торчали из плотной тучи, опустившейся на Ванкувер. На полу среди разбросанных игрушек сидела очаровательная шалунья лет трех в штанишках с помочами и фланелевой рубашке. Светло-рыжие волосики были заплетены в косички.

- Привет, - произнесла девочка, с интересом уставясь на Энджи круглыми голубыми глазками.

- Кайли, это Энджи Паллорино, - сказала Шэрон. - Она пришла в гости к бабушке.

- А у меня динозавр, смотри! - Кайли протянула Энджи пластмассовую игрушку. - Он бронтозавр!

- Ясно, - Энджи нагнулась и оглядела игрушку.

- Мне на Рождество подарили. А тебе что подарили?

Энджи улыбнулась, вспомнив, как в сочельник занималась любовью с Мэддоксом на его яхте. Бушевал шквал, по палубе лупил дождь...

- Ну, динозавра мне точно не подарили.

- Жадины! - расплылась в улыбке Кайли, сморщив веснушчатый носик.

- Да уж, - выпрямившись, Энджи загляделась на фотографии на каминной полке. Счастливая семья - мама, папа и дочка, а в соседней рамке - пожилой человек с буйной седой шевелюрой, с удочкой в руке, обнимающий за талию худенькую женщину с серебристыми волосами и искренней улыбкой.

Энджи кивнула на фотографию:

- Ваши родители?

- Да, - ответила Шэрон. - Великий детектив и его домохозяйка-жена.

Энджи невольно взглянула на Шэрон, удивившись прорвавшейся в голосе обиде.

Хозяйка смущенно повела плечом:

- Я не хотела быть резкой, но знаете, когда человек работает в отделе тяжких преступлений... Этого не объяснить. Я практически не видела отца, пока три года назад он не вышел на пенсию, а у меня уже своя семья, я давно выросла. А на пенсии он прожил всего полтора года... - голос Шэрон дрогнул, глаза потемнели: - Вот так ждешь, ждешь заслуженного отдыха, мечтая насладиться жизнью и общением с детьми, а тут раз - и все, песня кончилась...

- Хочешь поиграть? - перебила Кайли. - Я тебе тираннозавра дам!

Энджи некоторое время смотрела в глаза Шэрон, потом перевела взгляд на Кайли. В этом возрасте окровавленную Энджи затолкали в бэби-бокс. В галлюцинациях ее преследует похожая малышка в розовом платье... По спине побежали мурашки, и Энджи Паллорино стряхнула с себя оцепенение:

- Сейчас не могу, Кайли, меня твоя бабушка ждет.

Шэрон указала на лестницу:

- К маме туда. - Понизив голос, она добавила: - Память у нее уже не та, что раньше, она иногда заговаривается и очень расстраивается, если не помнит. Вы уж с ней помягче.

- Конечно, - отозвалась Энджи, стараясь не выдать разочарования, и пошла вниз по деревянным ступеням.

- Надеюсь, вы любите овсяное печенье - мама все утро печет! - прибавила Шэрон.

Внизу дверь была приоткрыта. Энджи постучала и заглянула внутрь:

- Миссис Войт, здравствуйте, можно к вам?

Миниатюрная старушка с серебристыми волосами, в которой Энджи узнала женщину с фотографии, выглянула из-за угла. На ней был оранжевый фартук с огромными фиолетовыми баклажанами.

– Я Энджи, – представилась Паллорино, проходя в кухню-гостиную.

– Очень приятно, Ванда, – с английским акцентом ответила старушка. Рука у нее оказалась холодной и маленькой, как птичья лапка. – Арнольд был бы счастлив, что вы заинтересовались этим делом. Тайна девочки из «ангельской колыбели» не давала ему покоя до самого конца...

За разговором Ванда развязывала фартук.

– А вы много знаете о расследовании?

– Не то чтобы много, Арнольд ведь не обсуждал со мной работу, старался оградить меня от мрачных сторон своей профессии... Я вам чаю налью – вы любите чай? Присаживайтесь! – Ванда Войт показала на круглый стол под окном, выходящим в маленький сад. На яркой скатерти красовался чайник под стеганой грелкой, блюдо овсяного печенья, баночки джема, сметана и целый сервиз одинаковых чашек, блюдце и тарелок.

– Спасибо, с удовольствием, – Энджи присела к столу. – Какая красота, – не удержалась она, любуясь небольшой, но ухоженной лужайкой, обсаженной подстриженными кустами. В центре, как часовой, возвышался кипарис, свесив изящные ветви. Как только дежурные любезности были сказаны, чай налит, а горячее печенье намазано маслом и джемом, Энджи снова навела разговор на причину своего визита, стараясь, однако, не проявлять чрезмерного рвения. В разговоре с пожилыми нужен особый такт, они выросли и жили в другую эпоху. Им должно быть комфортно, спокойно и тепло на душе при мысли, что ты разделяешь их интересы. – Как я сказала по телефону, я расследую дело об «ангельской колыбели» для своей подруги...

– Стало быть, вы частный детектив? – уточнила Ванда.

– Ну, в какой-то мере да. Сейчас я выступаю в этой роли, – поставив чашку на блюдце, Энджи подалась вперед: – Этот случай получил широкую огласку

благодаря газетам и телевидению, портрет где только ни показывали, однако никто не отозвался, даже дальняя родня не объявилась. Как вы думаете, можно сказать, что происшествие стало сенсацией?

Ванда, мелкими глотками пившая чай, задумалась и ответила не сразу.

– Знаете, примерно неделю новость не сходила с первых полос, но затем на Аляске произошло крупное землетрясение, и загадка девочки из «ангельской колыбели» отошла на второй план. Потом «Боинг» упал в Тихий океан, на нем как раз хоккейная сборная летела в Калгари, это надолго заняло все умы... – Ванда отпила чая и покачала головой: – У Арни даже ночные кошмары начались из-за этого расследования. О найденной девочке не поступило ни единого слова информации, он так не смог выяснить, откуда она взялась... Дело закрывал с огромным трудом, бесясь от ощущения своей беспомощности...

– Он, я так понимаю, возглавлял расследование?

– Да. А напарником у него был Руфус Стендер. Вместе расследовали и вместе принимали решение прекратить следствие, потому что появились новые, требующие внимания дела...

– А что произошло с Руфусом Стендером? – осторожно спросила Энджи. – Вчера в ванкуверском управлении мне сказали, что он тоже скончался.

«И у меня возникло ощущение, что мне чего-то недоговаривают».

Старушка помрачнела. Она медленно, двумя руками, опустила чашку на блюдце и промокнула губы салфеткой.

– Через несколько лет после «ангельской колыбели» им с Арни досталось... очень трудное дело. В парке Стэнли бесследно пропал восьмилетний мальчик – точно в воздухе растворился. Арни и Руфус в составе оперативной группы вели поиски – и нашли, на свою голову. Всего в квартале от парка. Они проводили обыск в большом доме, где квартиры сдавались в аренду, – одного тамошнего жильца видели за разговором с мальчиком непосредственно перед исчезновением. Дома его не оказалось, но управляющий впустил Арни и Руфуса в квартиру, сообщив, что жилец не появлялся с того дня, как мальчик пропал. Пока Арни разговаривал с управляющим, Руфус открыл холодильник посмотреть

на продукты, проверить, действительно ли мужчина не заходил уже несколько дней...

Ванда замолчала, но с усилием заставила себя продолжать:

– А оттуда на пол с глухим стуком возьми и выпади плотно набитый черный пакет для мусора. В нем и оказался пропавший мальчик. Руфус потом признался, что доконал его именно мусорный пакет: бедного ребенка сунули в мешок, как отходы на выброс... Руфус все повторял как заведенный – ну зачем, зачем мешок, если все равно в холодильник затолкал?

Наступило молчание. Дождь за окном усилился, намокшие ветви кипариса клонились к земле.

– Руфус так до конца и не оправился, – отрывисто сказала Ванда. – Вот такая у полицейских работа в этом городе... Через несколько лет он привел дела в порядок, перестирал всю свою одежду, ровно составил обувь в шкафу, а потом пошел и лег на рельсы в Норт-Ванкувере. Тогда-то Арни наконец подал в отставку... Люди не понимают, как работа детектива сказывается на человеке и его семье. Они не знают, как мы на цыпочках обходим уродливую сторону этой профессии, перепады настроения, приступы депрессии, пьянство... – Старушка невидящим взглядом смотрела в окно. – Когда Арни возвращался после тяжелой смены, я не могла поговорить с ним по несколько часов. Он ложился на диван, включал телевизор – неважно, что – и пил пиво, постепенно приходя в себя. Замужем за ним было нелегко, но я любила Арни. – Ванда посмотрела на гостью: – Мне его не хватает.

У Энджи сжалось сердце при виде боли в глазах Ванды Войт. Поколебавшись, она нерешительно накрыла маленькую ручку старухи своей рукой.

– Примите мои соболезнования, – сказала она.

Ванда глубоко вздохнула:

– Простите, вы ведь приехали поговорить о другом... – Она высвободила руку, нашла в кармане платок, высморкалась и встала: – Я попросила Шэрон принести папины коробки из подвала. Они у выхода в сад, можете забрать.

– Какие коробки?

– Вон те, – Ванда пошла к стеклянным раздвижным дверям.

С бешено забившимся сердцем Энджи вскочила на ноги и кинулась за ней.

Ванда обошла диван и указала на две большие картонные коробки, какие в ходу в архивах. Коробки были заклеены желтым скотчем, а сверху черным фломастером жирно выведено: «Дело неизвестной из Сент-Питерс № 930155697—2, коробка № 1».

Потрясенная Энджи наклонилась и сдвинула верхнюю коробку.

«Дело неизвестной из Сент-Питерс № 930155697—2, коробка № 2».

Она подняла глаза на Ванду:

– Это что, вещдоки по делу девочки, найденной в «ангельской колыбели»?!

– Я же говорю, Арни так и не смирился с поражением. Он до конца жизни строил версии и гадал, может, когда девочка вырастет, она вернется и будет расспрашивать. Он знал, что ее удочерили, она попала в хорошую семью. Арни даже несколько раз звонил приемному папаше, узнать, как развивается малютка и не вспомнила ли она что-нибудь о той ночи или о прежней жизни, не сталкивалась ли приемная семья с чем-то подозрительным. Арни надеялся, что родственники девочки все же объявятся, но никто так и не пришел. Ему не удалось найти ни родню малютки, не тех, кто стрелял у собора. Когда Арни узнал, что старые вещдоки начали уничтожать, он поехал и забрал коробки. Вообще-то это нарушение правил – все подлежало сжиганию при свидетелях, но в коробках нет ничего ценного, оружия тоже нет, поэтому Арни разрешили их взять. Он сказал, что самостоятельно поработает над расследованием, и привез коробки домой.

– И как, продвинулся хоть немного?

– Листал папки, вынимал какие-то листки, куда-то ездил и кого-то расспрашивал. Потыкался, потыкался и снова заклеил коробки. Дом после его

смерти я продала, но часть вещей перевезла и поставила в подвале.

Энджи не могла оторвать взгляд от картонных коробок. В животе все мелко дрожало.

Неужели такое возможно?

Неужели здесь лежат улики, о которых рассказывала Дженни Марсден? Результаты лабораторных анализов образцов крови, отпечатки пальцев, отчеты баллистиков, отчет медсестры о наличии или отсутствии следов изнасилования у найденныша? Биологические следы, которые можно отправить на повторный анализ и выделить ДНК?

– Мне кажется, Арни отдал бы их вам, – тихо сказала вдова. – Он бы порадовался, что кто-то продолжает поиски.

С колотящимся в горле сердцем Энджи смотрела на коробки, будто перед ней разверзся портал в прошлое.

И в будущее.

Глава 6

Энджи кружила по кварталу, лишь на третий раз отыскав свободное место возле «Старбакса»: ей хотелось и из кафе видеть «Ниссан» с драгоценными коробками. Торопливо выбравшись из машины, она скормила счетчику монеты. Шел уже третий час дня. Надев сумку через голову, Паллорино побежала в «Старбакс»: дул холодный ветер, но дождь перестал. С бьющимся сердцем Энджи распахнула дверь.

Ее охватили тепло и аромат кофе. В зале былолюдно и шумно, за прилавком работала другая смена. Энджи даже вздрогнула от волнения, увидев пожилого китайца, склонившегося над газетой за маленьким круглым столиком.

Пробираясь между посетителями, Энджи подошла туда.

– Доброе утро, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал мягко.

Старик поднял голову. На вид ему можно было дать лет семьдесят пять, и был он маленький и согнутый, как вопросительный знак, в чересчур просторном для него твидовом пиджаке. Оттопыренные уши торчали, как ручки у кружки, из-под густого венчика белых волос, окружавшего блестящую смуглую лысину в старческих родимых пятнах. Под выпуклыми круглыми скулами рот казался впалым, словно беззубым. Глубоко посаженные карие глаза вопросительно смотрели на Энджи из-под маленьких очков в металлической оправе.

Энджи улыбнулась:

– Меня зовут Энджи Паллорино. Вчера бариста сказал, что вас можно найти здесь. Скажите, это вы владели рестораном китайской кухни «Розовая жемчужина»?

Старик нахмурился:

– Да, много лет. Ресторан принадлежал моей семье. Я работал в «Жемчужине» с ранней юности.

– Разрешите к вам присесть? Мне нужно кое о чем узнать.

Китаец снова нахмурился и поправил очки. Энджи отметила легкий тремор рук – от возраста или болезни.

– Я уже собирался уходить. Через пятнадцать минут начнется передача, я ее всегда смотрю.

Энджи напряглась:

– Я вас не задержу.

Поколебавшись, старик указал на свободное место напротив:

– Заказать вам еще чашку чая? – спросила Энджи, отодвигая стул. – Или что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, я правда тороплюсь.

Энджи быстро заговорила:

– В восемьдесят шестом году ваш ресторан находился в этом помещении?

– И в восемьдесят шестом, и до этого. Родители открыли «Розовую жемчужину» в восемьдесят втором. Мы с сестрой продали ресторан всего пять лет назад. Это часть истории Ванкувера – при «Розовой жемчужине» сменилось несколько эпох.

Паллорино подалась вперед:

– А вы не помните случай, когда в ночь под Рождество в «ангельской колыбели» оставили довольно взрослую девочку? У собора была перестрелка, крики, визг покрышек. Может, полиция вас тоже опрашивала?

Китаец свел брови, и его взгляд стал далеким, отсутствующим.

– Да. Это был важный день, как можно забыть. Перестрелка, ребенок... В газетах писали, что произошла бандитская разборка.

– А вы сами что-нибудь видели?

– Я – нет, я был на кухне. Мы закрывались поздно, после полуночи. В «Розовой жемчужине» кушали врачи, медсестры, санитары. Некоторые брали на вынос, перекусить между сменами. За кассой в ту ночь стояла моя бабушка, вот она кое-что видела. Но она умерла много лет назад.

Энджи еле усидела на месте от адреналина:

– А что она видела?

В глазах старого китайца появилась осторожность. Он покосился на дверь. Энджи успокоительно положила руку ему на запястье:

- Пожалуйста, мне очень нужно знать! Моя подруга попросила меня разобраться в этом старом деле с «ангельским» подкидышем...

- Вы журналистка?

- Нет.

- Тогда из полиции?

- Я веду собственное расследование, - ответила Энджи. - Ищу родственников девочки по просьбе подруги.

Китаец оценивающе смотрел на нее в упор. Энджи, еле сдерживаясь, заставила себя спросить спокойнее:

- Ваша бабушка давала показания полиции?

Старик медленно покачал головой, словно не решив, доверять собеседнице или нет.

- Она не знала английского и недолюбливала полицию. Или лучше сказать, сторонилась. После Китая она боялась полицейских. Но нам она рассказала, что видела в ту ночь.

- Кому - нам? - тут же спросила Энджи.

- Мне, моей сестре, матери, отцу и брату. Бабушка стояла вон там, лицом к витрине, там тогда была касса, - старый китаец показал на конец прилавка напротив двери. - Снизу окна до половины закрывали красными шторами, чтобы прохожие не разглядывали посетителей, занятых едой... Дело шло к полуночи, но колокола на соборе еще не начали звонить, когда бабушка увидела женщину.

Сердце Энджи бешено забилося.

– Какую женщину?

– В платье. Она бежала через дорогу к переулку между больницей и собором, а на бедре, сбоку вот так, несла ребенка.

– Того, которого потом нашли в бэби-боксе?

– Я думаю, да. Бабушка и моя мать обратили внимание, потому что женщина была без пальто, хотя стояла зима и начинался снег. Из-за занавески бабушка разглядела женщину только сверху и заметила ребенка у нее на бедре. Она поспешила к окну, но беглянка уже скрылась в переулке. И тут – бабушка как раз стояла у окна – раздались крики, и вон оттуда выбежали двое мужчин, – старик показал налево от входа. – По словам бабушки, они гнались за женщиной с ребенком, размахивали пистолетами и тоже были без верхней одежды.

Во рту Энджи пересохло.

– А как выглядела эта женщина? – хрипло спросила она.

– Моя бабушка разглядела только длинные темные волосы. Вроде бы молодая.

– А мужчины какие были?

– Здоровые, мускулистые. Они тоже скрылись в переулке, и сразу начались выстрелы, но их заглушили колокола. Бабушка еще расслышала вдали визг шин, и мимо окон на большой скорости проехал черный фургон. Хотя фургон, может, и ни при чем, говорила бабуля. Только к утру, когда съехались журналисты и полицейские и у ресторана собралась толпа, мы узнали, что в «ангельской колыбели» нашли ребенка.

– И вы ничего не рассказали полиции о том, что видела ваша бабушка?

– Отчего же, – возразил китаец. – Они пробовали поговорить с ней через меня в качестве переводчика, но бабуля передумала – сказала мне по-китайски, что ничего не видела и все сочинила. Я перевел ее слова полицейским. Ей уже было восемьдесят два года, и она не очень хорошо видела из-за катаракты. Как назло, больше никто не заметил той женщины и бежавших за ней мужчин... – старик

пожал плечами.

К «Старбаксу» подъехал автобус, остановился и с громким шипением открыл дверцы, выпуская пассажиров. При виде автобуса старый китаец опомнился и взглянул на часы.

– Мне пора, – он свернул газету и, опираясь на столешницу, поднялся на ноги. – Удачи в ваших поисках, – он слегка поклонился.

– Подождите, подождите, – Энджи вскочила, шаря по карманам в поисках визитки. – Я не записала вашего имени, а мне может понадобится встретиться еще или позвонить. – Она подала старику свою карточку. Прочитав, китаец поднял на нее глаза с иным выражением:

– Значит, вы все же из полиции?

– На острове Ванкувер я действительно работаю в полиции, но, клянусь, данное расследование не имеет отношения к моей работе. Это личная услуга моей подруге.

В маленьких карих глазах появилось недоверие.

– Моя подруга и была той девочкой, которую оставили в «ангельской колыбели», – вполголоса добавила Энджи, торопясь восстановить доверие прежде, чем старик уйдет. – Она хочет знать, почему ее там оставили и кто она. Я ей помогаю. Скажите, как с вами связаться, если понадобится?

– Мое имя Кен Лау, – наконец ответил старик, опуская визитку в карман. – Моя квартира на втором этаже. Мы всегда жили над «Розовой жемчужиной», а теперь я живу над «Старбаксом».

– А телефон?

– Найдете в телефонном справочнике. Лау с Франт-стрит.

С этими словами старик, шаркая, поплелся к выходу. Дверь за ним медленно закрылась.

Глава 7

Энджи ужасающе медленно продвигалась по длинной дамбе к паромному терминалу в Цавассене. Ей не терпелось вернуться на остров и успеть на ужин с Мэддоксом, чтобы поделиться своими открытиями, но дождь и шквал сорвали несколько паромных рейсов, и у переправы скопилась настоящая автомобильная очередь. Разговор с Кеном Лау съел весь запас времени.

Сейчас приходилось буквально ползти. Коробки на заднем сиденье «Ниссана» казались одушевленными и давили своим присутствием, полные запутанных тайн, заняться которыми чесались руки. Но придется подождать: Энджи решила вскрыть запечатанные коробки в стерильных условиях, в перчатках, на случай, если внутри окажутся годные для повторных анализов вещдоки. Паллорино уже решила позвонить доктору Санни Падачайе, директору отдела криминалистической экспертизы в Виктории, и спросить частную криминалогическую лабораторию с самым современным оборудованием, где можно провести все тесты, какие позволят сохранившиеся образцы. Деньги – не проблема: эти вещдоки бесценны, а у Энджи есть сбережения – ей некогда было тратить все эти годы. Две коробки на заднем сиденье радикально изменили ситуацию: вместе с ними появилась надежда.

Энджи чертыхнулась, резко затормозив: очередь впереди машин встала намертво. Паллорино нетерпеливо постукивала ногтями по передней панели. Порывы ветра раскачивали «Ниссан», порывами неся через дамбу дождь и туман. Энджи нажала «иконку» мобильной связи и набрала номер Мэддокса. Телефон прозвонил несколько раз и переключился на автоответчик.

– Привет, это снова я. Застряла в очереди на паром, еду домой. Вот, решила тебе сообщить.

Она нажала отбой, но странная пустота оттого, что с Мэддоксом целый день невозможно связаться, немного подпортила радость от обретения коробок и рассказа Кена Лау.

Энджи ждала, когда машины снова двинутся по дамбе, выдававшейся в беспокойный океан. Небо потемнело, набежали сизые тучи – надвигался новый атмосферный фронт. И тут внимание Энджи привлек яркий свет в тумане на узкой полоске пляжа. Она взгляделась через боковое стекло, покрытое извивающимися червячками сползающих капель. Вокруг источника неестественно яркого света собралась группа людей. Вверху, у кромки насыпи, Энджи заметила фургон телекомпании «Си-би-си». Заинтригованная, она достала из бардачка бинокль – полицейские привычки укореняются глубоко – и опустила стекло. Дождь мгновенно намочил ей щеки, пока Энджи наводила резкость. Кто-то держал огромный раскрытый зонт над полной блондинкой, которую с пристрастием расспрашивала репортерша в длинном черном пальто и с микрофоном в руке. Короткие волосы толстухи ерошил ветер, на поводке она держала маленькую белую собачку. Когда женщина повернулась боком, Энджи поняла – она не полная, а беременная на солидном сроке: живот натягивал синюю куртку. Блондинка указала на скальный выступ на берегу, и оператор повернул камеру в том направлении. Энджи охватило смутное предчувствие надвигающихся важных событий.

От звонка мобильного она так и подскочила и сразу нажала кнопку на контрольной панели, не сомневаясь, что звонит Мэддокс.

– Паллорино, – машинально назвалась она, едва не прибавив «отдел расследования сексуальных преступлений».

– Веддер, – слышалось в трубке, и Энджи замерла. Веддер был главой ее отдела и непосредственным начальником Энджи последние шесть лет. Именно через Веддера независимая комиссия предпочитала общаться с Паллорино.

– Сэр? – отозвалась Энджи, поспешно поднимая стекло.

– Можешь подъехать сегодня в управление? Выводы комиссии готовы, внутреннее расследование тоже закончено. Нужно встретиться и обсудить.

На долю секунды Энджи лишилась дара речи. Кашлянув, она спросила:

– И что там вывела комиссия?

– Это мы тебе скажем при встрече. Да, и приведи с собой представителя профсоюза.

Черт!.. Глаза у Энджи защипало. Она с силой потерла лоб.

– Я сейчас в очереди на паром в Цавассене, – медленно сказала она. – Если втиснусь на следующий рейс, буду у вас в кабинете в начале шестого. Сейчас позвоню Мардж Бьюченан и узнаю, может она в это время или нет.

– Мне перезвони, когда с Бьюченан договоришься.

– Сэр, а кто это «мы», вы сказали?

– Я и Флинт.

Энджи выругалась про себя. Инспектор Мартин Флинт возглавлял управление специальных расследований, куда входили отдел расследования сексуальных преступлений, отдел по борьбе с сексуальной эксплуатацией, отдел, занимавшийся рецидивистами, и отдел по борьбе с домашним насилием и сексуальными домогательствами. Все, ей конец – точно уволят.

– Но скажите мне хоть что-нибудь, я же должна подготовиться!

– Энджи, мне очень жаль. – От того, что он назвал ее по имени, легче не стало: тон Веддера свидетельствовал, что и ему не легче. Веддер хорошо к ней относился, принимал ее сторону, когда Энджи сталкивалась с закоренелыми сексистами – тем же Харви Лео. Паллорино сдружилась с Веддером и доверяла ему как никому другому. Значит, работа стремительно накрывается медным тазом. Нечего было и надеяться – вышибут с треском. Просто она не ожидала, что так быстро... Больше всего ее теперь волновало, передаст ли комиссия ее дело в прокуратуру: ей ведь могут вменить в вину неоправданное применение летального оружия. – Извини, что вызываю сегодня, – я помню про твой день рождения.

Да уж, поздравил так поздравил.

– Я буду в управлении, сэр, – отрывисто ответила Энджи, ткнула в кнопку, сбрасывая звонок, и некоторое время посидела неподвижно. Через боковое стекло было видно, что съемочная группа переместилась ближе к торчащему выступу. Грузовичок, стоявший за «Ниссаном», просигналил – впереди машины медленно поехали. Не оборачиваясь, Энджи показала за плечо средний палец и нагнулась, переключая передачу. Теперь ее переполняло не нетерпение, а тревога, оттого что прежняя, знакомая жизнь действительно закончилась.

Затормозив у кассы, она опустила стекло, и соленый ветер хлестнул ее по лицу, терпкий от запаха моря и обещания перемен.

На паром «Королева севера» «Ниссан» втиснулся последним. Трап под ним глухо лязгнул, когда Энджи въехала на автомобильную палубу. Звук непоправимости... Трап начали поднимать, и человек в ярко-оранжевом жилете замахал сигнальным фонариком, показывая ей глубже заехать в темное чрево парома. Моторы заурчали, застучав металлом. Энджи повернула ключ, вышла из «Ниссана» и застегнула утепленную куртку доверху. Поднявшись на пассажирскую палубу, она толкнула тяжелую дверь и вышла под мощные порывы ветра. Она стояла на носу парома, вцепившись в перила и не прячась от шквала, не обращая внимания на ледяной дождь, хлеставший по щекам. Впереди, за серо-стальной водой, – остров Ванкувер, ее дом. Сзади остается материк, ее неизвестное прошлое. Взревел гудок, и урчанье моторов изменилось. Винты взбили белую пену, поплывшую по поверхности моря, и паром отвалил от пристани. Энджи казалось, что она стоит на неведомом пороге, готовясь сделать шаг.

Глава 8

Мэддокс удержался от того, чтобы растянуть галстук, хотя в комнате для допросов в региональной исправительной тюрьме очень душно и жарко. Корпус из шлакоблока. Блеклые тюремные стены, двустороннее зеркало, запертая дверь. У двери охранник в черной форме – ноги расставлены, мощные плечи напряжены, правая рука сжимает левое запястье – готов к любым неожиданностям. На нагрудном кармане значится «Морден». На ремне кольцо с ключами и дубинка. Напротив Мэддокса сидит заключенный, которого он приехал допросить, – трансгендер Зайна, телохранитель и секретарь мадам Ви,

арестованный на борту «Аманды Роуз» две недели назад.

Рядом с Зайной сидит адвокат Израэль Липманн. За допросом через хитрое зеркало следят Хольгерсен, представитель прокуратуры и сотрудник тюрьмы.

Мэддокс, Хольгерсен и представитель обвинения приехали на полуостров Саанич в Уилкинсон-роуд (старую тюрьму максимально строгого режима, где содержались и осужденные, и арестованные до суда), когда Липманн предложил сделку в обмен на перевод своего клиента в другую тюрьму и смягчение обвинений. Детективам и прокуратуре он посулил информацию о личностях девочек с татуировками-штрихкодами.

Если Зайна выведет полицию на поставщиков «живого товара», это станет настоящим прорывом в расследовании. Торговля женщинами – это уже уровень международной организованной преступности; штрихкоды на коже недвусмысленно давали понять, что владельцы «товара» – серьезные люди, со своим клеймом.

Мэддокс рассматривал орлиные черты сидевшего напротив двухметрового трансгендера. Волосы заключенного были острижены по-военному коротко и выкрашены в серебристый цвет. От Липманна детективы узнали, что Зайна идентифицирует себя как женщину, и Мэддоксу было странно и непривычно считать «особой женского пола» палача, тюремщика и торговца людьми. Но Джеймс Мэддокс над этим, как говорится, работал. Кожа заключенной была необычного пепельного оттенка, глаза почти бесцветные. Зайна сидела в тюремной одежде – ярко-красных брюках и такой же рубашке с буквами «РИТ-В, БК» на спине – странно спокойная, с бесстрастным лицом. Опухшую левую щеку украшали свежие фиолетовые синяки, на виске швы, на шее след от веревки. Мэддокс оценил иронию судьбы, помня, что одна из секс-работниц «Вакханалии» погибла во время снафф-сессии.

Прежде чем войти в допросную, Липманн и представитель прокуратуры долго и придирчиво обговаривали условия сделки, которые устроили бы и защиту, и обвинение.

Мэддокс нажал кнопку записи, включив видеокамеру и магнитофон.

– Начат допрос заключенного, известного как Зайна. Место проведения – региональная исправительная тюрьма на острове Ванкувер, время – шестнадцать сорок пять, среда, третье января. – Мэддокс поглядел Зайне в глаза: – Для записи назовитесь полным официальным именем, пожалуйста.

– Зейден Камю, – четко ответила заключенная, не мигая.

Пульс у Мэддокса участился. Наконец-то хоть что-то, с чем можно работать!

– Гражданство?

– Я из Алжира. Мать была алжиркой, отец – французский гражданин. У меня французский паспорт, постоянно проживаю в Париже.

Вот чем объясняется ее акцент!

– Но называете вы себя Зайной? – уточнил Мэддокс.

– Так женственнее. Я считаю себя женщиной и в настоящее время прохожу гормональную терапию. Операция состоится позже.

Вот и вскрылась истинная причина сегодняшней встречи. В хаосе штурма «Аманды Роуз» полицейские, производившие аресты, не разобрались, что Зайна, родившаяся мужчиной, считает себя женщиной, поэтому ее поместили в мужскую камеру на общих основаниях. В первую же ночь Зайну изнасиловали и сильно избили; теперь она содержалась в одиночной камере. Липманн засыпал жалобами различные организации, в том числе комитет по правам человека, требуя перевода своей подзащитной в женскую тюрьму, однако соображения безопасности взяли верх над существующими правилами содержания под стражей трансгендеров. Учитывая более чем вероятное участие Зайны в похищении, изнасиловании, переправке, пытках, психологическом насилии, приучении к наркотикам и незаконном удержании несовершеннолетних девочек на борту «Аманды Роуз», ей придется нелегко в любой тюрьме. Однако ради перевода в женскую среду Зайна готова была заговорить.

– Где ваши документы, удостоверяющие личность, где паспорт? – спросил Мэддокс. – На «Аманде Роуз» мы их не нашли.

Зейден Камю взглянул на своего адвоката. Липманн еле заметно кивнул.

– Мадам Ви велела мне положить наши документы в водонепроницаемую сумку, добавить что-нибудь для веса и выбросить за борт.

– Когда она приказала вам это сделать?

– Когда полицейский спецназ начал штурм яхты.

– Каким образом вы выбросили сумку в воду? – спросил Мэддокс. – Из окна в кабинете вашей мадам?

– Совершенно верно, из иллюминатора в ее кабинете.

– Опишите сумку.

– Герметичная, непромокаемая. Черная, с маленьким оранжевым логотипом сбоку.

– Размер?

– Объем пять литров.

– А зачем же за борт-то?

– Мадам Ви считала, что молчание и анонимность – самая безопасная тактика в случае допроса. А еще она хотела сохранить документы на случай, если мы в обозримом будущем сможем достать сумку с помощью дайвера.

– В сумке есть что-нибудь, кроме ваших паспортов?

Глаза Зайны блеснули. Липманн провел рукой по блокноту – условный знак.

– Да.

– Что еще лежит в сумке?

- Другие документы, тоже удостоверяющие личность.

Мэддокс записал себе эту информацию и описание сумки. Надо будет отправить полицейских дайверов понырять вокруг «Аманды Роуз». Разобравшись с этим немаловажным вопросом, Мэддокс попросил:

- Назовите официальное имя и гражданство мадам Ви.

Зейден Камю напрягся, впервые выдав волнение. Мэддокс не сводил с него взгляда и заметил, как в бесцветных глазах трансгендера шевельнулся страх. Старая сутенерша все еще имела власть над Зайной - и над другими своими работничками. Пока таинственная престарелая мадам не открыла полиции ничего, а в базе данных не оказалось ни ее отпечатков, ни Зайны. Установление личности мадам Ви стало бы значительным шагом вперед.

- Отвечайте, - тихо подсказал Липманн.

- Вероника Саббонье, - произнесла Зайна.

- Гражданство?

- Тоже француженка.

- Где вы познакомились с Вероникой Саббонье?

Зайна сглотнула.

- В Париже. Она часто останавливалась в отеле, где я была управляющей.

- Когда это случилось?

- Примерно пять лет назад.

- Вероника Саббонье уже тогда была сутенершей?

Липманн кашлянул:

– Этот вопрос выходит за рамки оговоренного соглашения.

Несколько секунд Мэддокс подчеркнуто смотрел в темные глаза адвоката, но задал вопрос иначе:

– Когда вы начали работать на Саббонье?

– Я снова встретила ее два года назад в марсельском отеле, куда меня перевели. «Аманда Роуз» стояла в порту Марселя четыре месяца. За это время я ближе познакомилась с мадам Ви, и она пригласила меня на яхту, а потом предложила работу в клубе.

– В «Вакханалии»?

– Да. Я осталась на «Аманде Роуз» по окончании марсельского сезона, по выражению мадам Ви.

– На какую должность вас наняла Саббонье?

Камю взглянул на адвоката. Липманн снова коротко кивнул.

– Личного секретаря и охранника в клубе «Вакханалия».

– То есть управляющим элитного секс-клуба?

Зайна промолчала.

Мэддокс предпринял обходной маневр:

– Саббонье поручала вам избавиться от тела Фейф Хокинг после того, как Хокинг скончалась во время полового акта на борту «Аманды Роуз»?

Липманн резко подался вперед:

– Этот вопрос выходит за рамки нашей договоренности, детектив!

Мэддокс шумно вздохнул, не торопясь нарушить давящее молчание в душной допросной. По словам двух молодых мажоров, обвиненных в удушении Хокинг во время вышедшей из-под контроля снафф-сессии, мадам Ви-Саббонье вызвала именно Камю, чтобы все прибрать и избавиться от тела. Камю, по их словам, завернул обнаженное тело Хокинг в плотную полиэтиленовую пленку (такую же точно Мэддокс потом разрезал на Джинни), а затем Саббонье поручила яхтенному плотнику и матросу Спенсеру Аддамсу вывезти труп на катере и выбросить в море. Однако Аддамс оставил тело Хокинг себе для собственных некрофильских удовольствий и избавился от трупа лишь спустя неделю. Течением сверток принесло во Внутреннюю гавань, а дальше это расследование стало первым делом Мэддокса на новом месте, в убойном отделе полиции Виктории.

Он попробовал зайти с другого конца:

– Плотник Спенсер Аддамс уже работал на «Аманде Роуз», когда Саббонье наняла вас в Марселе?

– Нет, его взяли вскоре после этого. Он работал на яхте в средиземноморские сезоны, а также в Виктории, Ванкувере, Портленде, Сан-Франциско и на Карибах.

– Откуда Саббонье брала секс-работниц для своих «сезонов»?

– Некоторых поставляли местные клубы или отдельные сутенеры – у Саббонье были... связи. Приглашенные девушки работали на яхте, пока «Аманда Роуз» стояла в порту. Некоторые возвращались и на следующий сезон, совершенно добровольно.

– А другие насильно удерживались на борту и не имели возможности сойти на берег?

Молчание.

– Ладно, – сказал Мэддокс, – давайте о штрихкодах. На борту «Аманды Роуз», стоявшей в бухте Аплендс, нами были найдены шесть девушек с татуировками в виде штрихкодов на шеях сзади. На вид все несовершеннолетние и явные иностранки. Откуда они?

– Из Праги.

Мэддокс смотрел на Камю в упор:

– Что, вот прямо все там и родились?

Кадык у Зайны дернулся. Она облизала свои выпуклые, безупречного рисунка губы.

– Прага – перевалочная база, больше мне ничего не известно.

Мэддокс в этом сильно сомневался, но решил отложить выяснение до очной ставки Камю с Саббонье, очень надеясь, что они станут топить друг друга, предлагая следствию эту информацию.

– Это в Праге «товар» клеймили штрихкодами?

– Насколько я слышала, да.

– И что означают эти штрихкоды? Срок годности? Принадлежность владельцу?

– Владельца, происхождение и возраст «товара» – и время, когда девушку впервые... пустили в эксплуатацию. Татуировки сканируются и заносятся в компьютерную базу для отслеживания. Девушек отдают обычно на два года, за установленную сумму. По истечении этого периода их можно при желании обменять на новых – за дополнительную плату. Мадам Ви... тестировала новую линию товара, по ее выражению.

Во рту Мэддокса запеклась желчная горечь.

– И кто же владелец «товара» со штрихкодом?

– Русская организация.

– А конкретнее?

– Я не знаю. Русские давно контролируют торговлю женщинами и уже отжали у албанцев пражскую перевалочную базу. Товар поставляется на рынки Великобритании и Северной и Южной Америк. Больше я ничего не знаю.

– Ну еще бы, кто бы сомневался... Как шестерых девушек со штрихкодами ввезли в страну?

– Через порт Ванкувер, на корейском контейнеровозе, с помощью ванкуверских «Ангелов ада» и связанных с ними лиц из профсоюза портовых грузчиков.

Мэддокс прилагал все силы, чтобы не выдать охватившего его огромного волнения. Не двинув бровью, он спросил:

– А потом, когда «товар» попал на берег?

– Девушек увезли на передержку. Не знаю, куда, может, в Ванкувер. Затем шестерых отдали нам.

– Сколько они пробыли на передержке?

– Не знаю, наверное, с месяц.

– Для чего их где-то держать целый месяц?

Камю колебался. Адвокат кивнул.

– Довести до кондиции.

– По-английски, пожалуйста!

Камю сглотнул и ответил:

– Подкормить немного, подлечить, пока ищут покупателей среди клубов.

– Да, грузовой контейнер – это вам не лайнер... Долго девушек везли морем?

Липманн двинулся на стуле, отчего пластик скрипнул:

– Моя клиентка не обладает иной информацией о доставке девушек в Британскую Колумбию, кроме той, что она уже рассказала.

Засопев, Мэддокс сказал:

– Стало быть, вancouverские «Ангелы ада» сотрудничают с русской организованной преступной сетью, базирующейся в Европе?

– Моя клиентка рассказала все, что знает, – повторил Липманн.

– Или все, что захотела?

– Позвольте напомнить, – начал Липманн, – мы с вами заключили юридическое соглашение относительно того, что будет раскрыто... – он уколол Мэддокса взглядом, – на данном этапе.

«Вот беспринципность – Макиавелли бы позавидовал», – рассердился Мэддокс и не подумал отвести глаза. Липманн придерживает козыри для дальнейшей игры за счет шестерых запуганных и превращенных в проституток несовершеннолетних девушек.

– Да, а что там с паспортами? – спросил Мэддокс, бесстрашно продолжая нарушать границы оговоренного. – На борту «Аманды Роуз» мы нашли три израильских паспорта, два эстонских и один латвийский, хотя девицы не являются ни израильтянками, ни эстонками, ни латышками! – На самом деле полиция Виктории и понятия не имела о гражданстве девочек-подростков, но Мэддокс сочинял на ходу: – Экспертиза показала, что паспорта поддельные.

Молчание.

Детектив подался вперед.

– Я не сомневаюсь, что девушкам сделали такие паспорта, потому что до недавнего времени гражданам Израиля, Эстонии и Латвии не требовалось въездной визы в Канаду. Хватало электронного разрешения, которое можно получить онлайн за пару долларов. Почему номера паспортов не были зарегистрированы на границе в числе въезжающих?

– Я не знаю, – ответил Камю.

– Потому что они предназначались на будущее? Когда вы с Саббонье возили бы несчастных на новые «сезоны» в порты разных стран?

Молчание.

– Где изготовлены эти подделки?

– Не знаю.

– А предположить можете?

– Наверное, в Тель-Авиве, русской мафией.

В жилах Мэддокса тек уже чистый адреналин. Медленно и негромко детектив произнес:

– Значит, русская преступная группировка в Тель-Авиве сотрудничает с ячейкой русской мафии в Праге, которая занимается международной торговлей женщинами. А в Ванкувере сеть поставки «живого товара» замыкается на местных «Ангелах ада»?

Молчание. Липманн заерзал.

– После того как девушки немного оклемались на этой вашей таинственной базе, представители ванкуверских «Ангелов ада» привезли их вам с Саббонье, получив долю как посредники? Или же финансовой стороной занимался кто-то еще, и он-то и продал и доставил вам девушек?

На обтянутых странной пепельной кожей скулах Камю выступили красные пятна, отчего пульс у Мэддокса участился. Значит, русская преступная группировка, поставляющая секс-рабынь в разные страны, связана с местной и весьма непростой байкерской бандой? К «Ангелам ада» попробуй подкопайся... Нужно связаться с управлением КККП[З - Королевская канадская конная полиция.] по борьбе с оргпреступностью, с Интерполом и иными организациями, занятыми противодействием международной торговле людьми. Более чем вероятно, что дело «Аманды Роуз» пересечется с десятком других расследований...

Камю вдруг покачнулся на стуле, резко побледнев, вернее, посерев. Лишь два алых пятна по-прежнему горели на щеках.

– Так, все, сержант Мэддокс, достаточно, – Липманн вскочил и замахал охраннику у дверей. – Мы закончили. Моей клиентке требуется медицинская помощь и отдых. Мы подпишем письменные показания, как только вы их подготовите.

Мэддокс остался сидеть, пока охранник отпирал допросную и выводил адвоката и его «клиентку».

Когда дверь за ними закрылась, детектив медленно, с силой выдохнул. Работа только начинается. Мэддокс чувствовал вкус настоящего охотничьего азарта.

Из тюрьмы детектив вышел в сопровождении Хольгерсена, держа в руках копию подписанных Зейденом Камю показаний. Снаружи было темно и холодно. Моросил дождь, туманом повисая в воздухе.

Хольгерсен остановился под козырьком у одного из каменных львов, охранявших вход в тюрьму, и выудил из кармана раздавленную пачку сигарет.

– Офигеть получится, – сообщил он, ковыряя пачку, – если мы докажем связь «Ангелов ада» и профсоюза грузчиков с русской мафией!

– Ага, – Мэддокс кивнул на сигарету Хольгерсена: – Ты долго?

– Несколько раз затянусь и брошу, босс. В вашей тачечке же курить низзя, – он выпустил в воздух густой клуб сизого дыма.

Мэддокс оглядывался, еле сдерживая нетерпение от неожиданной задержки.

– Флинт сейчас связывается с управлением по борьбе с оргпреступностью на материке. Нужно узнать, не попадались ли еще кому несовершеннолетние проститутки со штрихкодом.

– Хорошо, что мы не сообщили прессе о татуировках, – протянул Хольгерсен, выдыхая дым. – Но я считаю, русские с «Ангелами» закрыли этот канал поставки, едва узнали про «Аманду Роуз». Даже из того, что просочилось в СМИ, они поймут, что мы нашли девчонок, и новую партию штрихкоднудых отвезут в какую-нибудь другую, блин, кроличью нору.

Мэддокс напряженно взглянул на часы: полседьмого. Встреча с Энджи в «Голове короля» назначена на полвосьмого, а им с Хольгерсеном еще тащиться в управление, где инспектор Мартин Флинт ждет не дожидается показаний Зайны.

– Я слышал, в ванкуверском порту поставили огромный рентген сканировать контейнеровозы, – заявил Хольгерсен, стряхивая пепел на землю. – Но просвечивают не все, а только три-четыре процента, самые подозрительные. На таможне явно решают, что досматривать, а что нет, на основании информации от самих судов. Инспекторов на борт посылают только при сообщении о необычных происшествиях на борту. А откуда берутся эти сообщения, позвольте спросить? Господи, сколько всякого дерьма проникает к нам в страну каждый день! – Хольгерсен взглянул на башенки исторического здания тюрьмы и зубчатую стену с бойницами. – Ни дать ни взять средневековый замок! А внутри никогда не скажешь. Парень, который здесь работает, сказал мне, что между собой они называют тюрягу Уилки, от Уилкинсон-роуд. Действует больше ста лет уже. Раньше здесь была Колквицкая психиатрическая лечебница для сумасшедших с преступными наклонностями, на всю провинцию одна такая, – Хольгерсен повертел пальцами у виска: – Филиал Бедлама!

– Слушай, сделай одолжение, – не выдержал Мэддокс, исчерпав запасы терпения. Он достал ключи и протянул Хольгерсену: – Иди к машине и садись за руль. А у меня коротенький личный звонок. И не вздумай там курить!

Хольгерсен покосился на ключи и снова поглядел на Мэддокса:

- Паллорино, да?

- Ты не услышал? Личный звонок, Хольгерсен, что непонятно?

Тот пожал плечами, глубоко затянулся, затушил окурок о каблук и убрал в пакетик, вынутый из кармана.

- Когда там независимая комиссия разродится с решением? - спросил он, закрывая желобок на пакете и убирая обратно в карман.

- Понятия не имею.

- Паллорино ничего не узнала?

- Мне об этом неизвестно. Иди уже!

Хольгерсен смотрел на Мэддокса еще секунду, затем цапнул ключи и сбежал по ступеням, неожиданно ловко орудуя большими ступнями. Подняв воротник своей тускло-серой куртки, он сунул руки в карманы и сгорбился, спасаясь от дождя. Когда Хольгерсен отошел достаточно, Мэддокс набрал Энджи и тихо выругался, снова попав на автоответчик: он уже пытался переговорить с ней перед допросом Камю. Детектив решил все-таки оставить сообщение.

- Энджи, мы с тобой прямо как в салочки по телефону играем. Мне пришлось срочно отъехать в региональную тюрьму на Сааниче... - Мэддокс едва удержался, чтобы не рассказать, к кому он ездил и зачем. Расследование, которое он вел с Хольгерсеном в качестве напарника, обещало вот-вот стать яблоком раздора между Мэддоксом и Энджи. - Я уже еду в Викторию, но могу не успеть к половине восьмого. Если доберешься в ресторан первой, возьми себе чего-нибудь выпить за мой счет. Я приеду, как только смогу.

Закончив звонок, он направился к «Импале». Хольгерсен сидел за рулем, мотор прогревался, «печка» работала на полную мощность. На заднем сиденье Джек-О посапывал на своем овечьем коврикe. Начальство пока не предъявляло претензий, что Мэддокс возит пса на работу. А если жалобы начнутся, что ж,

будем разбираться...

Они еще не выехали с Саанича, когда дождь усилился. Мэддокс думал об Энджи, о выводах комиссии, о том, как это скажется на их зарождающихся отношениях, и боролся с сосущим беспокойством.

Глава 9

Мардж Бьюченан, представительница профсоюза, ждала Энджи у входа в управление, спасаясь от дождя за резным тотемным столбом, служившим символической опорой крыши.

– Спасибо, что приехали, – сказала Энджи, проходя мимо Мардж, и рванула на себя стеклянную дверь. Она не могла сейчас смотреть в лицо Бьюченан, неутомимо и самоотверженно сидевшей с ней на всех допросах комиссии, советовавшая не отмалчиваться, помогавшая найти адвоката. Сейчас Энджи сомневалась, что не воспользоваться правом не свидетельствовать против себя было правильным решением, потому что, отвечая на вопросы, она вынуждена была признаться: во время перестрелки со Спенсером Аддамсом с ней случилось помрачение сознания, и она не помнит, как и отчего разрядила в негодея всю обойму. Последнее, что ей запомнилось, – маленькое светящееся пятнышко за спиной Аддамса, призрачная девочка в розовом платье, являвшаяся ей в галлюцинациях. И Энджи сорвалась – важнее всего вдруг стало защитить малютку от Аддамса. Конечно, о галлюцинации Энджи умолчала, сказав членам комиссии, что ничего не помнит после первого выстрела. Либо ей поверили, либо пришли к выводу, что она лжет. Оба варианта были так себе.

Энджи придержала дверь открытой для Мардж, по-прежнему глядя себе под ноги. Пожилая женщина вошла и остановилась перед Энджи, дождавшись, пока та поднимет глаза.

– Я знаю, это нелегко. У вас есть вопросы, прежде чем мы поднимемся? – спросила Бьюченан.

– Может, после, – отозвалась Энджи. – В зависимости от решения комиссии.

Она планировала слушать Веддера и поменьше говорить, а дальше действовать по ситуации.

Мардж старалась не отставать от Энджи, быстро поднимавшейся на этаж отдела расследования сексуальных преступлений. До Энджи долетел легкий запах лака для волос: куафюра Мардж походила на неподвижный серо-стальной шлем, плотно сидевший на голове. Когда-то Бьюченан работала в полиции... Неужели и Энджи теперь придется говорить о своей работе в прошедшем времени?

С прямой спиной, подняв голову, Энджи быстро шла по общему залу. Она облачилась в дорогой черный кожаный блейзер, узкие черные джинсы и свои лучшие сапоги, у которых имелся небольшой каблук. Вымытые волосы гладким плащом закрывали полспины. Энджи сознавала, что выглядит прекрасно. Может, она и лузер, но одеваться как чучело не станет.

Дандерн и Смит сидели за своими столами. Последние шесть лет Энджи была одной из шестнадцати детективов отдела, работавших бригадами по четыре. Паллорино и Хольгерсен входили в четверку с Дандерном и Смитом. Вместе с инструктором по спецподготовке, оператором «Викласа», психоаналитиком и двумя помощниками руководителя детективы работали под началом сержанта Мэтта Веддера.

Смит, на мгновение оторвавшись от бумаг, изменился в лице.

- Паллорино? - он приподнялся на стуле.

Дандерн тоже поднял голову от своих бумажек. Его бесформенный коричневый пиджак висел на стуле. У Энджи перехватило горло - вот уж не думала, что придет день, когда она соскучится по этим двум ослам и вонючему пиджаку Дандерна... Она коротко кивнула каждому и одернула блейзер, но не остановилась до самой стеклянной двери Веддера. Жалюзи в кабинете были опущены - плохой знак. Энджи постучала.

- Войдите! - послышался голос начальника.

Энджи внутренне собралась и открыла дверь. Веддер сидел за столом, слева от него устроился инспектор полиции Мартин Флинт.

– Сэр, инспектор, – в качестве приветствия сказала Энджи. – Мардж Бьюченан вы знаете...

Кивнув, Веддер показал на два свободных стула:

– Присаживайтесь.

Прежде чем сесть, Энджи встретилась глазами с Веддером, но тот смотрел бесстрастно, с ничего не выражающим лицом. Скверно. Хуже и быть не может. Она медленно опустилась на стул. Бьюченан села рядом.

– Как дела, Паллорино? – спросил Веддер.

Энджи поглядела на руку начальника, лежавшую на стопке каких-то папок. На верхней – логотип отдела независимых расследований.

– Да вот, ожидаю решения, – она кивнула на папки. – Нельзя ли перейти сразу к делу, сэр? К каким выводам пришла комиссия?

Она чувствовала на себе пристальный взгляд Флинта, но глядела на Веддера, зная, что сейчас все закончится. Приговор просто висел в воздухе.

– К твоему сведению, – сказал Веддер, – целью независимого расследования было определить, можно ли считать сотрудника полиции, в отношении которого начато расследование, – то есть тебя, Паллорино, – ниже именуемого «эс-пэ», совершившим какие-либо противоправные действия в отношении пострадавшего лица, то бишь Спенсера Аддамса, ниже именуемого «пэ-эл», восемнадцатого декабря прошлого года в районе горного заповедника к западу от старой железнодорожной эстакады через залив Скукумчак. Я сделал копии решения для тебя и Бьюченан.

Он подтолкнул по столу два файла. Бьюченан взяла свой, Энджи лишь поглядела на стол. Ее щеки запылали.

– Как тебе известно, этот отчет появится на сайте отдела независимых расследований, в открытом доступе для СМИ.

В ушах ритмично шумела кровь. У Энджи закружилась голова. Она не может больше здесь находиться, ей нужно выбраться, и побыстрее. Она кашлянула:

– Можно самую суть, сэр? В чем состоит решение относительно меня?

Веддер выдержал ее взгляд.

– После тщательного анализа собранных показаний и на основании соответствующей части действующего законодательства руководитель комиссии установил, что в отношении действий эс-пэ остаются большие сомнения, в первую очередь в части неподчинения приказу старших по званию, неоправданного применения чрезмерной силы, странного провала в памяти и косвенных доказательств приступа ярости или как минимум потери профессионального самоконтроля... – говоря это, Веддер смотрел Энджи в глаза. – Вскрытие пэ-эл и результаты баллистической экспертизы свидетельствуют, что эс-пэ выстрелила восемь раз в лицо, грудь и шею пэ-эл. Помимо одной пули, выпущенной с расстояния около двадцати футов, и еще одной, выпущенной с расстояния около шести футов, все выстрелы производились в упор, когда пэ-эл лежал на земле лицом вверх.

Энджи не сморгнула, чувствуя, как между грудей набухают бисеринки пота и скатываются под лифчиком по животу.

– Однако, принимая во внимание исключительные обстоятельства, глава комиссии счел, что твои ошибки не могут служить основанием для предъявления обвинений в уголовном правонарушении.

Облегчение было сродни удару под ложечку – на секунду Энджи разучилась дышать. Она повела глазами на Бьюченан, которая чуть улыбнулась и кивнула.

Впрочем, Веддер довольным не выглядел, и на лице Флинта тоже не читалось ни малейшей радости. Энджи сказочно повезло, и она это понимала.

– Тем не менее, – продолжал Веддер, – ознакомившись с дополнительным отчетом об инциденте, подготовленным управлением полиции города Виктории в соответствии с законом об охране правопорядка, комиссия постановила, что имело место грубое нарушение протокола на фоне устойчивого паттерна пренебрежения субординацией у данного эс-пэ. Вызывает озабоченность и твое

психологическое состояние, особенно с учетом того, что после гибели напарника ты увильнула от курса психологической реабилитации. – Веддер двинулся на стуле. – Поэтому решено, что дисциплинарная мера будет включать годичный испытательный срок на административной должности, где не предусмотрено ношение служебного оружия, зато обязательно ходить в полицейской форме. Тебя переводят в отдел по связям с общественностью работать с соцсетями, с соответствующим уменьшением оклада. Сотрудница, занимающая эту должность, со следующей недели уходит в отпуск по беременности. Ты будешь ее заменять в течение года, начиная с завтрашнего дня.

Энджи потеряла дар речи. Заморгав, она пролепетала:

– Вы... вы шутите?

– Имело место серьезнейшее нарушение протокола, детектив Паллорино. В ходе внутреннего расследования некоторые сотрудники отдела весьма настороженно отнеслись к теоретической перспективе работы в паре с тобой, особенно после того, как ты застрелила Спенсера Аддамса спустя считанные месяцы после трагической гибели Хашовски.

– Но по результатам того расследования меня полностью оправдали!

– Одно служебное расследование – уже слишком много, Паллорино. Да, и еще ты в обязательном порядке обратишься к указанному здесь специалисту за психологической оценкой и по ее результатам пройдешь рекомендованный курс психотерапии. Также ты будешь посещать курсы по управлению гневом и семинары, на которых обучают работе в команде. – Веддер подпихнул к ней папку с логотипом полиции Виктории и подал копию Бьюченан. – По окончании испытательного срока будет проведена повторная внутренняя проверка...

– И после этого я смогу вернуться в отдел?

– Гарантии не дам. Это будет зависеть от твоего поведения во время испытательного срока.

У Энджи потемнело в глазах.

Бьюченан подалась вперед:

– Детективу Паллорино полагается отпуск и оплата больничного из расчета прежнего оклада...

Веддер перебил:

– Если она решит сейчас пойти в отпуск на три месяца, тогда испытательный срок начнется со дня выхода на работу. – Пауза. – Место в отделе по связям с общественностью свободно с завтрашнего дня, Паллорино. Это работа с девяти до пяти, но завтра приступать только с одиннадцати, потому что у Пеппер, которую ты будешь заменять, утром презентация в школе.

Наступило молчание. Воздух в кабинете загустел и стал вязким, как мед.

Энджи смотрела на Веддера.

Две недели назад она всерьез метила в элитный убойный отдел, где работают одни мужчины. Она была так близко к цели...

Школьная презентация?!

Снова носить полицейскую форму?

Пистолета не вернут?!

Так низко на тотемном столбе она еще не бывала. Социальные сети?! Веддер, ты в своем уме? Это унижительно. Это вообще не вариант, потому что она детектив до мозга костей, и цель ее жизни – раскрытие особо тяжких преступлений. Поэтому она и поднимается по утрам с постели, только это и дает ей силы начать новый день... С тем же успехом ее могли уволить.

Ну, так-распротак, вот тебе и с днем рождения, Энджи!

– Ого, смотри-ка, я дозвонился почти вовремя! Как там именинница? Ты получила мои сообщения?

Мэддокс.

Пальцы Энджи стиснули мобильный. Уже без восьми восемь, она почти полчаса сидит в баре «Голова короля». Поднеся мартини к губам, Энджи сделала маленький глоток.

– Ты сейчас скажешь, что задерживаешься?

– Прости меня, я...

– Торопился, но что-то помешало? Опять расследование?

– Слушай, тут такие дела! У нас крупный...

– Прорыв. Все понятно, Мэддокс.

Энджи отвернулась к узкому сводчатому окну, выходящему на темную парковку. Она села здесь, чтобы приглядывать за «Ниссаном», где по-прежнему стояли коробки. Не то чтобы кто-то мог взломать машину и украсть материалы давно закрытого дела, просто Энджи не оставляла настойчивая потребность не сводить с них глаз. Она сгорала от нетерпения рассказать Мэддоксу о Веддере, об испытательном сроке, о поездке в Ванкувер и собственном крупном прорыве с безнадежным, казалось бы, «висяком»... Мэддокс был единственным, кому Энджи могла доверять. Он доказал, что достоин ее доверия. Он помог ей, а она, в свою очередь, выручила его.

– Так когда ты все-таки будешь? – спросила она, стараясь не выдать своего разочарования.

– Максимум через полчаса. Дождись меня, пожалуйста! Ты взяла себе выпить?

Раздражение, обида, гнев, боль вдруг вспыхнули в Энджи лесным пожаром.

– Слушай, Мэддокс, – спокойно сказала она, – мне кажется, у нас ничего не получится.

Он явно удивился ее тону.

– Что у нас не получится, не понял?

– Ну, сегодняшней ужин и все это... что между нами.

– Ого! Энджи, ты погоди, не горячись. Что происходит? – Пауза. – О черт, пришло решение независимой комиссии, что ли?

Энджи глубоко вздохнула и подняла глаза к массивным деревянным панелям на потолке, неожиданно для себя еле удержавшись от слез.

– Да, – тихо ответила она.

Короткая пауза.

– И?

– И ничего. Позже поговорим, когда у тебя будет время. Я сейчас кладу трубку, допиваю свой бокал и еду домой.

– Я приеду к тебе, когда...

– Нет. Не надо, не приезжай... – сбросив звонок, она немного посидела, сжимая телефон. Из-за рядов бутылок в баре на нее глядело мертвенно-бледное, осунувшееся лицо. Энджи отметила запавшие глаза, окруженные темной тенью. Похоже, за последние недели она похудела сильнее, чем создавала... Волосы гладкой волной лежали на плечах, губы накрашены сочной красной помадой – ради Мэддокса, ради дня рождения. Она старалась, но из зеркала на нее смотрел вылитый выходец с того света.

Кто ты, незнакомка?

Ей вспомнился старый стишок:

Зеркало, зеркало на стене,

Кто отражается в тебе?

Энджи выругалась про себя. Она не сможет, ей не высидеть целый год в кабинете, занимаясь обязанностями новичка, читая лекции в школьных спортзалах перед скучающими тинейджерами или младшими школьниками, когда у нее всеми признанная квалификация и способности к раскрытию сложнейших дел, связанных с преступлениями на сексуальной почве, а с недавних пор – и изощренных серийных убийств. Она помогла остановить маньяка-убийцу, а теперь писать в «Твиттер» и «Фейсбук»? Вести блог «Один день из жизни полицейского»? Ничего не скажешь, эффективная охрана правопорядка. Тут есть где развернуться.

И даже этот годичный офисный ад не гарантирует, что ее возьмут обратно в отдел.

Но если она не согласится и уволится, не отбыв дисциплинарного взыскания, ей не получить рекомендаций и никогда больше не работать в полиции.

Она залпом допила мартини.

– Еще?

Энджи взглянула на бармена. Лет тридцати, глаза словно из жидкого обсидиана, длинные пушистые ресницы. Густые темные волосы в живописном беспорядке, оливковая гладкая кожа. Подтянутый и мускулистый, как триатлонист. Такого можно отыметь, мелькнуло у нее в голове, и эта мысль оказалась неожиданно возбуждающей. Энджи выдержала его взгляд, вертя пустой бокал за ножку.

– А ты кто? – спросила она.

Он выждал несколько секунд, не опуская глаз:

– Антонио.

Энджи тихо приснула.

- Ну, плесни еще... Антонио.

- Того же?

- Да, «грязного» мартини.

- Трудный день? – понимающе спросил бармен, забирая у нее пустой бокал и коснувшись тыльной стороной ее пальцев. От прикосновения точно электрический ток пробежал у Энджи до локтя, и это было приятно. Она представила Антонио обнаженным, пристегнутым наручниками к кровати, с эрегированным членом. Как она может одеть его эрекцию кондомом, а потом широко раздвинуть бедра и нанизаться на него, и начать раскачиваться, сперва несильно... Сердце Энджи забилося чаще, в паху стало горячо. Старое желание снять кого-нибудь в баре змеей заползло в живот и когтило горло. Хороший анонимный секс до потери памяти – вот что ей необходимо. Это лучше алкоголя, лучше кокаина. Лучше любого наркотика.

- Можно и так сказать, – отозвалась она.

- Я чем-нибудь могу помочь?

О да.

- Налить.

- Сейчас.

Антонио нарочито развязно отошел к дальнему концу стойки и начал смешивать коктейль. Энджи смотрела, как мышцы ягодиц играют под тканью черных брюк. Нет ничего лучше оргазма, чтобы прогнать неприятные мысли.

Энджи заставила себя отвести взгляд. Она знала природу такой физической реакции. Это зависимость. Бегство от проблем. Способ притупить иные чувства. Выбирать себе мужчину в «Лисе», клубе для взрослых у дороги на выезде из города, несколько лет служило для нее способом разрядки, возможностью

выпустить пар. Все копы, расследующие тяжкие преступления, ищут психологической разгрузки. Энджи выбрала «Лис», назначив его своей охотничьей территорией, где она могла выбрать анонимную добычу, сделать ему непристойное предложение, пристегнуть к кровати в номере мотеля и всласть отыметь, не оставив ни своего имени, ни телефона. Никакой привязанности. И она уходила раньше, чем он успевал, в свою очередь, полностью насладиться ею. Да, упоение властью, ну и что? Она каждый день видела, как мужчины используют женщин, и таким способом возвращала себе уверенность. Энджи очень подсела на анонимный секс, на скрытую опасность, на вкус физической и эмоциональной свободы.

Пока не появился Мэддокс.

Пока не начались поиски Спенсера Аддамса.

Антонио поставил перед ней маленький поднос с новой порцией мартини.

– Спасибо, – буркнула Энджи, не взглянув на него, якобы увлеченная хоккейным матчем на плоском телевизоре над баром. Она сделала большой глоток мартини, прислушиваясь к мягкому теплу, распространяющемуся по телу, и глубоко вздохнула.

Хоккей закончился, начались восьмичасовые новости, и вдруг на экране появилось крупное изображение когда-то сиреневой, а теперь очень грязной детской кроссовки. Энджи замерла, не донеся бокал до рта, прочитав в бегущей строке: «Еще одна ступня найдена на берегу моря Селиш».

Камера повернулась к молодой женщине с красивым круглым лицом, голубыми глазами и короткими светлыми волосами, раздуваемыми ветром. Нос и щеки у нее порозовели, синяя куртка блестела от дождя. Оператор снимал ее на фоне низких туч, нависших над туманным серым океаном. Блондинка стояла на нечистом песке, выглаженном приливом, держа на поводке белую болонку, и указывала на выступ скалы у самой воды, где лежал спутанный ком водорослей. Когда она повернулась боком, Энджи увидела, что женщина беременна.

Она медленно поставила бокал обратно на поднос.

«Я же ее видела сегодня! Я смотрела, как снимают этот сюжет, пока ждала в очереди на паром и разговаривала с Веддером!»

Рядом на свободные стулья уселись двое немолодых мужчин. Энджи почти не обратила на них внимания.

– Слышь, зацени, – обратился один к другому. – Во фигня-то с этими ногами оторванными! Сколько их всего, семнадцать, что ли, за десять лет уже?

– Так это детская обувь, – возразил его собеседник. – Для маленькой девочки. Другие-то хоть взрослыми были... – посетитель перегнулся через стойку и попросил Антонио: – Слышь, парень, сделай телик погромче!

Антонио прибавил звук. Энджи смотрела, не в силах отвести глаз от кроссовки до щиколотки, снова появившейся на экране. Внутри виднелась желтоватая масса. Глубоко-глубоко в Энджи шевельнулось и начало разворачиваться что-то темное и смутное, смешиваясь с непонятной тревогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Традиционное обозначение неизвестных пациенток в больницах англоязычных стран. (Здесь и далее примечания переводчика).

2

Университет Британской Колумбии.

3

Королевская канадская конная полиция.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uayt_loret/kolybel-naya-dlya-moeu-devochki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)